

Девушка
~ без ~
недостатков

Наталья ЛЕВИТИНА Неумышленное ограбление



Наталия Левитина

Неумышленное ограбление

«Автор»

Левитина Н.

Неумышленное ограбление / Н. Левитина — «Автор»,

«Мне, чтобы соблазнить мужчину, необходимы месяцы напряженного интеллектуального труда. Моей лучшей подруге Эванжелине достаточно забыть, что верхняя пуговица на блузке так же успешно застегивается, как и остальные». Зато у журналистки Танечки Максимовой есть другие достоинства! Например, ум и сообразительность, иначе бы она не устроилась на работу в престижный «Интерком». Зарплата, в пятнадцать раз превышающая оклад в газете, служебная машина, корпоративный отдых в подмосковном отеле! Вот во время отдыха кто-то из коллег и трудоустроил кирпич на затылке президента фирмы... Татьяне тоже есть чего бояться – ей в руки неправомерным путем попала сенсационная информация о российских криминальных структурах в целом и новом шефе в частности. Похоже, Татьяна поставила под удар не только себя, но и всех своих близких...

© Левитина Н.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталия Левитина

Неумышленное ограбление

Часть первая

Итальянское лето

Два журналиста на сорока квадратных метрах – это Персидский залив в период военных маневров. Так как в обозримом будущем изменения жилищных условий в нашей небольшой семье не предвиделось, на двадцать девятом году жизни во мне окрепло желание покончить с журналистикой.

Эванжелина горячо одобрила мое решение. Она сказала, что так я смогу уделять больше внимания журналисту номер один – Сержу. Сам Серж только пожал плечами, у Антрекота тоже не возникло возражений, и к началу июля я окончательно решила изменить жизненный курс если не на сто восемьдесят градусов, то хотя бы на девяносто. Сейчас я понимаю, что именно эта идея, появившаяся в моей голове, и спровоцировала трагические события последующих двух месяцев.

В один из последних дней июня Эванжелина лежала на кровати в моей спальне и, болтая в воздухе ногами, читала в «Коммерсанте» нашу любимую рубрику «Привоз».

– «...В валютной секции магазина „Руслан“ внимание почитателей практичной немецкой моды привлечет коллекция маленьких облегающих черных платьев фирмы „Виктория ЭФ“ (около 60 долларов). Любительницам красиво позагорать рекомендуются закрытые купальники с модным геометрическим рисунком (44 доллара) и изысканные черные купальники с отделкой тонов черного перламутра (64 доллара)...» Таня, почему у нас нет долларов?

Интересный вопрос. Он и меня иногда беспокоит.

Антрекот прятался среди разноцветных подушек – были видны только сверкающие глаза и настороженные уши – и изображал из себя охотника, отслеживающего дичь. «Дичью» служили ноги Эванжелины.

– Антрекот, не царапайся! О, Таня, смотри, это как раз для нас!

На одной из страниц «Коммерсанта» на четверть полосы была разверстана реклама фирмы «Интерком». А на другой полосе Эванжелина обнаружила объявление, в котором говорилось, что в компании «Интерком» вакантно место директора службы «паблик рилейшнз». Действительно, это мне подходило. Если я решила покончить с журналистикой, то было бы нецелесообразно бросаться, как в омут, в совершенно незнакомую мне область деятельности и, например, начинать торговлю слоеными пирожками. «Паблик рилейшнз» – это уже не журналистика, но кое-что из моих знаний в этой сфере могло бы пригодиться.

Я не кинулась сразу же к телефону, несмотря на подстрекательство Эванжелины, а пошла другим путем.

На следующий день я позвонила в «Интерком». Мне сразу же ответил мужской голос.

«Так, – подумала я, – если фирма может оккупировать четверть полосы в „Коммерсанте“, а на звонок отвечают четко и корректно, то ее дела идут наверняка неплохо». (Однажды мы с Эванжелиной решили позвонить в офис какой-то фирмы, чтобы узнать, сколько стоит настольная издательская система. Трубку взяла женщина, явно только что поднявшая голову со стола, который использовала в качестве подушки.

– Але, это хто? – заспанным голосом спросила она.

– Это мы, – ответили мы с Эванжелиной. – Хотим купить у вас настольный издательский комплекс.

- А мы продаем?
- Вроде бы продаете.
- Вы тогда подождите у трубочки, я пойду спрошу...

Издательский комплекс мы тогда так и не купили, но потом, встречая на развороте очередной газетной полосы или журнала монументальную рекламу знаменитой фирмы, мы каждый раз вспоминали, что отвечать на телефонные звонки там доверяют сонным и некомпетентным тетерям.)

Так вот, на следующий день я позвонила в «Интерком». Добавив в голос деловитости, обычно мне не свойственной, я сказала, что меня зовут Татьяна Максимова, мне случайно попала на глаза реклама «Интеркома», и, если это кому-нибудь интересно, я могла бы посоветовать, как можно эффективнее использовать дорогостоящую площадь газеты.

- Я вас внимательно слушаю, – ответили на другом конце провода.

Осторожно выпустив воздух из легких, я облегченно развалилась в кресле, положила ногу на ногу и тоном человека, который пять лет кропотливо изучал рекламное дело в нью-йоркской школе бизнеса, сообщила, что название фирмы набрано слишком мелко, а девиз – наоборот, слишком крупно, что, занимая четверть полосы, просто смешно использовать петит для перечисления предлагаемых товаров, что картинка – экстравагантная девица в полунеглиже – явно не соответствует тексту рекламы и вводит в заблуждение предполагаемых читателей и покупателей...

Результатом моей тщательно обдуманной тирады явилось приглашение заглянуть завтра в офис фирмы для деловой беседы с президентом «Интеркома». И благодаря этому хитрому маневру – ах, я просто упивалась своей сообразительностью – я и устроилась на новую работу.

Моя газета была довольно боевой, но ее боевитость слишком явно была детерминирована финансовой неустроенностью творческих сотрудников. Гражданский пафос статей являлся прямым следствием мизерной зарплаты. Мы были нищими и пели во славу нищих. Поев на презентации икры из хрустальной вазочки, мы призывали бизнесменов не забывать о благотворительности и с удовольствием клеймили тех, кто оступался.

В редакции с потолка падали мокрицы, в кабинетах пахло жуткой смесью дешевого табака и старого коврового покрытия. Антрекоту моей зарплаты хватало ровно на три раза поесть, а мне уже не хватало. Я с тихим ужасом начинала осознавать, что мой более чем скромный вклад в домашний бюджет уже не дает мне права игнорировать грязную посуду в раковине и периодически напоминать Сержу, что сейчас не домостроевские времена и надо делить все хозяйственные заботы поровну.

Это было одной из причин, почему я решила уйти из газеты. Другой и не менее важной причиной было то, что мне надоело рыть носом землю, выискивать жареные факты, сдавать строчки, а потом выслушивать по телефону неясные предостережения.

Фирма «Интерком» в своем объявлении гарантировала удовлетворить самые взыскательные запросы претендентов, и, проконсультировавшись с Эванжелиной по части моего костюма, я направилась на встречу с президентом компании.

Привычная невыразительность моей постной физиономии удачно компенсировалась глубоким, проникновенным взглядом серых глаз. Темно-синий костюм (пять месячных зарплат – подарок Сергея) выгодно подчеркивал изысканную французскую худощавость моей фигуры (правда, злопыхатели и кровные враги давно закрепили за мной подпольную кличку Стиральная Доска, но стоит ли обращать внимание на злобные выпады недоумков?). Что и говорить, выглядела я отлично. Эванжелина сказала: тебе запросто можно дать 25 лет, Серж заметил, что я внушаю доверие. Получив таким образом благословение самых близких мне людей, я отчалила.

Когда во время встречи в «Интеркоме» мне сообщили условия работы, я внутренне упала на пол и забилась в конвульсиях. Зарплата, в пятнадцать раз превышающая мой оклад в газете,

премия в долларах, служебная машина, трехдневный отдых всей фирмой раз в два месяца в подмосковном отеле. Мне стоило неимоверных усилий не затрубить, как раненый слон, «Я согласна!», а добрых пять минут изображать на лице нерешительность и задумчивость.

С горящим взглядом недоленной психопатки я галопом прискакала домой, где меня ждали Сергей, Эванжелина и Антрекот, мы раздавили по этому поводу полбутылки хорошего коньяка. Эванжелина уже мечтала о том, как мы будем тратить доллары, Серж вслух размышлял, повлияет ли новая должность на мою сексуальную отзывчивость, один лишь Антрекот любил меня бескорыстно и преданно.

Итак, я попрощалась с коллегами и редакционными мокрицами и въехала в новый кабинет.

Двухэтажное здание офиса располагалось в центре Москвы. Наверное, раньше на этом месте стоял невысокий дом из потемневшего от времени дерева. «Интерком» снес ветхую постройку и возвел роскошный особняк современного дизайна и с выхоленным газоном вокруг. Каждая травинка здесь дышала процветанием, на стоянке у сверкающего затемненными стеклами и хромом входа красовалось несколько иномарок последнего года выпуска. И публика в этой капиталистической конторе окопалась соответствующая – разодетые дамы и ухоженные мужчины.

Среди всего этого непривычного для меня великолепия – итальянской кожаной мебели, полированных панелей, заставленных импортной оргтехникой столов – хотелось работать, работать и еще раз работать. Но, как оказалось позже, в этом заведении такая реакция на окружающую обстановку происходила лишь в моем неиспорченном излишней роскошью организме.

Первое время я приходила в офис, как на экскурсию в валютный магазин, восхищаясь красотой вещей, с которыми я должна была работать. В моем кабинете стоял компьютер с лазерным принтером, цветной «Кэнон», телефон с автоответчиком и факсом. Я радовалась всему этому, как завхоз провинциального райисполкома, получивший в свое распоряжение партию германских скрепок.

На столе всегда лежала пачка превосходной бумаги с фирменными знаками, ручки, резинки, карандаши, толстые огромные фломастеры, яркие пластмассовые баночки с клеем – словом, все те мелочи, которыми так любит обладать простой человек, если они новые и достаются бесплатно.

Теперь мне не надо было неделю бегать за редакционным снабженцем, чтобы выпросить у него гнусенькую шариковую ручку, – вот лежали американские с тончайшими стержнями, я перестала заносить телефоны нужных людей в распухший дешевый блокнот – необходимый телефон возникал на экране компьютера после нажатия трех кнопок, я была избавлена от необходимости писать статьи на обороте старых черновиков – прекрасная «нулевка» сама подползала мне под руку, лишь бы я удостоила ее прикосновением своего бессмертного пера.

Первые недели на новом месте, когда ты еще никого не знаешь, самые трудные. Конечно, возникли проблемы с гардеробом. Здесь я не могла позволить себе ходить в джинсах и майке. Помогла Эванжелина. Она обладает удивительным умением превращать давно похороненный в шкафу кусок шифона в эффектный шарф и возрождать старые мужские рубашки.

Мы позаимствовали у Сержа один из его летних двубортных пиджаков, сшитый из прекрасной иранской ткани, ушили его, откопали в глубине бельевого комода полупрозрачную юбку, приплюсовали сюда черные очки, еще какую-то ерунду, и до первой зарплаты я была с натяжкой, конечно, но обеспечена.

А интеркомовские дамы меняли наряды каждый день. Нежаркий июль предоставлял им большой простор для варьирования струящихся юбок из «Сивайза» и блузок, украшенных «драгоценными» стразами, с умопомрачительными платьями из атласа и муара. Зато я была

сплошная деловитость – если нет денег на летний костюм от Лесли Фей, приходится изображать из себя мадам, настолько поглощенную работой, что даже забывающую менять наряды хотя бы через два дня. Сама себе я напоминала серого воробья, случайно оказавшегося в клетке с высокомерными павлинами, которые не упускали ни одного шанса, чтобы горделиво расправить роскошные хвосты и продемонстрировать мне мое убожество.

– Ничего, – успокаивала меня Эванжелина, – ты любую красотку затмишь своим интеллектом. Вот Серж, какой яркий мужчина, молодые девчонки на улице падают направо и налево, как елочки на лесоповале, по идее, ему и женщина полагается эффектная, а он выбрал тебя и только тебя любит...

Вот таким оригинальным образом любимая подруга врачевала мое травмированное самолюбие.

На первых порах сотрудницы фирмы заглядывали ко мне в кабинет, ласково улыбались и предлагали мелкие услуги, чтобы потом, удовлетворив свое любопытство, расползтись по кабинетам, самодовольно посмотреться в зеркало и сказать себе: «Уровень опасности – нулевой».

Девочка Света, которая по штатному расписанию именовалась «секретарем-референтом», а на деле не тянула и на простую машинистку и в 11 утра разносила всем на подносе кофе, взяла на себя роль гида-переводчика. Она стала моим основным поставщиком информации – семнадцатилетняя воздушная красотка с круглыми, искусно накрашенными глазами, образование которой затормозилось где-то на уровне восьмого класса средней школы. На третий день работы в «Интеркоме» я уже знала, что Света по уши влюблена в президента фирмы Олега Васильевича Дроздовцева, благодаря которому я сюда и попала. Света сообщила, что Олег Васильевич – спортсмен, играет в большой теннис, занимается плаванием и бегом, он великолепно водит автомобиль, у него «вольво» серебристо-синего цвета, американский кокер-спаниель и жена-красавица, которую он вроде бы любит и одевает в меха и бриллианты. Со своим секретарем-референтом Олег Васильевич строг и корректен, но Светлана склонна расценивать такое поведение как простую маскировку.

Конечно, элегантность, респектабельность, седые виски и насмешливый взгляд делают сорокалетнего мужчину весьма привлекательным в глазах семнадцатилетней девушки, которая с трудом припоминает, кто такой Бальзак, а английский язык учила по этикеткам в фирменных магазинах, но, насколько я себя помню, я в свои семнадцать лет любила восемнадцатилетнего мальчика в драных джинсах, которого впоследствии обрили наголо и забрали в армию. А Эванжелина в шестнадцать лет любила очкастого студента-интеллекта, и у него тоже не было ни импортного автомобиля, ни многочисленных костюмов классического покроя, но вся наша тихая старая улица стонала от этой грандиозной и великолепной любви, которая, впрочем, бесславно закончилась на третьем месяце беременности, когда что-то предпринимать было уже поздно.

А нынешние девочки удивляют меня своей расчетливостью и наглостью, на мужчин они смотрят оценивающим взглядом, как на потенциальных содержателей. Но Светка вроде бы еще не достигла такой стадии испорченности. «И как же ей повезло, – думала я, – что в ответственный момент физического и нравственного становления на пути этого ребенка оказалась Татьяна М., человек, выдающиеся душевные качества которого способны благотворно повлиять на растущий организм. Малышка будет спасена».

Приступая к своим новым обязанностям, я руководствовалась собственными, может быть, несколько дилетантскими представлениями о том, как должен работать отдел по связям с общественностью. Сначала надо было подробно изучить дела фирмы, чтобы знать, на что делать упор в навешивании макарон на уши общественности.

В «Интеркоме» работали человек пятнадцать. В принципе это была обычная посредническая фирма, гонявшая по стране партии компьютеров, факсов, множительной техники. Я с жаром взялась за работу. Прежде всего займемся разработкой имиджа предприятия. В сознании партнеров должна укрепиться мысль, что нам можно доверять. Надо проводить рекламные выставки, пресс-конференции, выступать в газетах, не забывать про благотворительность и спонсорство. Температура в моем кабинете поднималась до тридцати пяти градусов. Компьютер мигал разноцветным экраном, принтер стучал, лазерный тихо посвистывал, изумленная Светка носилась по коридору с подшивками журналов «Бизнес» и «Деловые люди». Я разрабатывала комплексный план военных действий, в результате которых «Интерком» неминуемо должен был приобрести всемирную известность.

Так продолжалось две недели, а потом я почувствовала: что-то здесь не так. Грандиозность моих устремлений явно не соответствовала масштабу деятельности фирмы. Президент Олег Дроздовцев часто отсутствовал, а когда я врвалась к нему в кабинет с очередной классной идеей, только мягко улыбался, как улыбается учитель школы девочке, которая сделала два варианта контрольной работы и спрашивает, нельзя ли еще порешать примеры из Сканава. В лучшем случае меня просили составить рекламное объявление («Организация продает за рубли...»). И к концу первого месяца работы я наконец-то осознала, что я такая же служба «паблик рилейшнз», как Светка – «секретарь-референт». Это было просто данью моде или же проявлением снобизма.

Это был первый удар, и я задумалась: не слишком ли рано я оставила свое предыдущее поприще и, вообще, сможет ли отечественная журналистика выжить, потеряв в моем лице такого славного бойца?

Но молодости (хотя и относительной) свойствен оптимизм, и я решила, что, если в «Интеркоме» так и не найдется применения моему таланту, я стану «фрилансом», как Сергей. Только тогда у нас в квартире будет уже не Персидский залив, а натуральная Хиросима.

Мое комсомольское усердие постепенно выродилось в самоуглубленную праздность. Состряпав незатейливую рекламку и отправив ее с курьером в редакцию «Известий» или «Московских новостей», я сидела у компьютера, подперев голову кулаком, смотрела в окно и размышляла о жизни.

Сначала я приходила в офис к девяти. Заметив, что другие сотрудники имеют устойчивую привычку появляться на работе не раньше одиннадцати, я решила, что мои ранние приходы могут расценить как демонстрацию верноподданнических чувств в отношении начальства, и сменила график движения на привычный редакционный. То же самое случилось и со временем отбытия. Неделю я завершала рабочий день почти в полном одиночестве в шесть вечера. Подумав, сократилась до пяти, но опять не нашла единомышленников. В конце концов мои трудовые будни стали укладываться в следующее расписание: половина одиннадцатого – неторопливое прибытие, одиннадцать – кофе, двенадцать – несколько телефонных звонков, час дня – обед со Светланой в кафе через дорогу, посещение окрестных магазинов, четыре часа – отступление на исходные позиции, то есть домой.

Оказалось, что только внешняя оболочка «Интеркома» могла произвести на посторонних впечатление тяжело, по-капиталистически работающей фирмы. Работали здесь вполне по-нашему, по-советски, и ритм жизни напоминал спокойное существование научно-исследовательского института конца семидесятых.

Труд – быстро исчезающая привычка. За месяц лени я совершенно отвыкла от изматывающих ежедневных рысканий по архивам, предприятиям, подземным бункерам. Праздность меня засасывала. «Крошка, напиши хоть что-нибудь куда-нибудь, – говорил Сергей, – я так давно тебя не читал...»

Коронный вопрос журналистики застойных времен (после «Ваши творческие планы?») – «Как вы добились таких потрясающих успехов?». Его-то мне и хотелось задать президенту

фирмы «Интерком». Я подозревала в Олеге Дроздовцеве уникальные умственные способности и небывалую везучесть, если он в сумасшедшее время «рвущихся многолетних экономических связей» сумел без видимой жесткой эксплуатации кого бы то ни было создать для себя и сотрудников райскую жизнь.

Я делала безнадежные попытки выяснить, откуда берутся автомобили, компьютеры, премия в долларах, если мои коллеги возлежат в своих креслах, как опрысканные из газового баллончика суслики, и ничего не делают.

– Наш Олежа, – щебетала Светка, – гениальный парень. Живет сам и дает жить другим. Может быть, он и проворачивает какие-то операции, может быть, у него какой-то еще бизнес помимо нашей фирмухи. Ну и что? Спроси, волнует ли это меня? Нет, скажу я, абсолютно не волнует. Потому что зарплату я получаю крупными купюрами и в красивом конверте. И это больше, чем обе зарплаты моих шнурков. А самое главное – та зеленая бумажечка, которую ты еще не получала, но как увидишь, все сомнения исчезнут сами собой. Нам на Олежку молиться надо.

На пару моих вопросов Олег Васильевич туманно ответил, что, когда дело налажено, особенно суетиться и незачем, все работает с размеренностью часового механизма. Я ему не поверила.

Моя дорогая Эванжелина придерживалась той же точки зрения, что и Света. Она считала, что не следует рыпаться, а надо терпеливо ждать своей долларовой бумажки.

Да, Олег Васильевич Дроздовцев, несомненно, был интересной личностью.

Прежде всего в мужчине меня привлекают властность, интеллект и умение когда надо съездить по морде. Ощувив в мужчине стальной стержень и способность к мудрому руководству, женщины устремляются к нему целой толпой, как комары в открытую форточку. Сочетание грубой физической силы с тонким умом настолько же привлекательно, насколько редко встречается. Интеллигенты хилы и имеют плохое зрение, культуристы непроходимо тупы. (Именно поэтому я и считала Сергея своим самым большим призом, который смогла оторвать в жизни.)

Но и мой новый шеф конечно же обладал сильным характером. Он притягивал к себе внимание. Как только он появлялся в конторе, все стремились найти повод, чтобы заглянуть в его кабинет, и это не было похоже на подбострастие подчиненных. Олег Дроздовцев обладал своеобразной внешностью и той выхоленностью, которая появляется после нескольких лет хорошего питания, занятий спортом в свое удовольствие и отсутствием склонности к самокопанию. Одевался он отлично: австрийские костюмы сдержанной расцветки и часто – итальянские шелковые брюки рисунка мелкий раппорт. Ну а деньги зарабатывал для нас и для себя более чем отлично. Свете было от чего сходить с ума.

Как-то раз Светлана приволокла мне превосходно изданную книгу на английском языке.

– Давай переведи, и мне потом расскажешь, – прошептала она страшным шепотом, словно гаитянская заговорщица в период диктатуры Дювалье, – это эротическая литература!

– Где взяла?

– Тупольский заставляет английский учить. Вот, говорит, ищи знакомые слова. Ты Хемингуэя все равно читать не станешь, а тут, может быть, любопытство проймет, говорит, переведешь со словарем. Хитрым себя считает. Давай, Танюша, будешь переводить и мне по страничкам пересказывать!

Вячеслав Петрович Тупольский являлся нашим вице-президентом. Единственный человек в конторе, который работал по-настоящему. Ему было около пятидесяти, седая борода и очень светлые голубые глаза делали его лицо если не привлекательным, то таким, на котором задерживается взгляд. Светка говорила, что несколько лет назад у него в семье случилась какая-то трагедия. Возможно, это наложило отпечаток на его внешность и характер, потому

что в его присутствии у меня сначала появлялось неодолимое желание уменьшиться в размерах. Вячеслав Петрович был невысок, сухощав, стремителен и резок. Наши расфуфыренные красотки старались не показываться ему на глаза, а он в свою очередь, кажется, испытывал к ним презрение работяги-пчелы к праздным трутям.

ВэПэ представлялся мне перевалочным пунктом, через который во все уголки СНГ разъезжались машины и поезда, груженные оргтехникой. С утра до вечера к нему приходили и уходили немногословные клиенты (партнеры), квакал в кабинете телефон, постукивал принтер, шуршали подписываемые бумаги. У меня сложилось впечатление, что один лишь Тупольский зарабатывал нам всем на прокорм и тащил на своих плечах всю команду бездельников.

Через неделю после того, как я устроилась в «Интерком», Света рассказала мне, как ВэПэ ругался с Олегом. ВэПэ говорил: зачем нам еще и «паблик рилейшнз», ты что, совсем сошел с ума, а Олег Васильевич вяло бубнил, что такой отдел сейчас имеет любая уважающая себя фирма, но так и не смог доказать заместителю мою необходимость.

Думаю, меня ВэПэ воспринял как лишний рот. Пару раз он заходил ко мне и мрачно давал задание подготовить и разослать рекламные проспекты. И после того, как я пару раз выполнила его поручения с прямо-таки молниеносной скоростью (внутренне содрогаясь – Таня, на что ты тратишь свой талант! – на рекламирование монохромных сканеров!), он, предпологаю, изменил свое отношение ко мне.

– Вы меня приятно удивили, – заметил ВэПэ. – Скорость и качество вашей работы выгодно отличаются от стиля ведения дел в этой фирме. Наши женщины напоминают сонных мух.

И хотя интеркомовские женщины напоминали мне не сонных мух, а вареных бегемотов, я не стала спорить.

У Тупольского оказалось высшее юридическое образование, а в последние годы, видно, обнаружился еще и незаурядный предпринимательский талант. Мы мило побеседовали о Достоевском и Лосеве, сопоставили уровни английского, и надеюсь, он утвердился в мысли, что я восхитительная девчонка и со мной можно дружить.

Еще Тупольский внушил мне уважение своим отношением к Свете. Очевидно, он, как и я, решил сделать из нее человека. Часто я встречала в коридоре Светку, нагруженную книгами и конвоируемую ВэПэ. В обычной своей резкой манере он почти орал на нее, чтобы она учила иностранный язык и читала хоть что-нибудь, кроме детективов. Светлана пыталась бунтовать, до нас доносились ее дикий вой: «Меня уже достал ваш Гюго-о-о!» и суровые наставления ВэПэ: «Учись, пока молодая и не замужем!»

Бедная крошка ходила жаловаться по кабинетам, однако каждую неделю Тупольский требовал от нее отчета о прочитанной книге и десяток вызубренных английских слов. Он, в руках которого были сосредоточены финансовые дела фирмы, заявил, что если Света не будет слушаться и заниматься самообразованием, то долларовой премии ей не видать. Олег Васильевич, к которому пыталась апеллировать несчастная, только посмеивался. Он, по-видимому, решил оградить себя от сексуальной агрессии со Светкиной стороны и не препятствовал ВэПэ направлять ее фонтанирующую энергию в нужное русло.

Четыре дня я трудилась над книгой, принесенной Светой. «Итальянское лето» Дилана Кэртиса было для меня громом среди ясного неба. До этого мой кругозор в области эротической литературы ограничивался рассказами Ивана Бунина и стихотворением Пастернака «Мело, мело по всей земле». А здесь – море, небо, развалины Рима и на фоне такого знойного пейзажа – поток откровенных описаний, хотя и выдержанных в прекрасном стиле, на хорошем английском языке. Мой словарь пополнился сотней новых слов, и все время, пока я читала Кэртиса, я была словно в лихорадке. «Что-то ты мне стала очень нравиться, – сказал Сергей, – достигаешь результатов, тебе, прямо скажем, не свойственных». И получил по физиономии.

Когда Олег Васильевич заметил на моем столе «Итальянское лето», я слегка покраснела.

– О, вам, наверное, Вячеслав Петрович дал почитать! – воскликнул он и посмотрел на меня так пронзительно, что мне показалось, будто он видит, какой формы у меня застёжка на лифчике. – Это я ему подарил, – гордо добавил Олег. – В Италии купил. Татьяна, вы – человек, разбирающийся в литературе намного лучше, чем я, и мне хотелось бы узнать ваше мнение об этой книге. Овидий, Вергилий, Боккаччо – это, так сказать, основоположники жанра. А Кэртис – популярный и процветающий американский автор. Но, знаете, или мы еще далеки от Америки в вопросе сексуальной раскрепощенности, или я настолько консервативен и мне уже пора уходить из большого секса, но когда я читал эту книгу, меня бросало то в жар, то в холод. Как вы считаете, насколько автору удалось удержаться от пошлости?

«Веселенькое дело, – меланхолически подумала я, – вместо специалиста по связям с общественностью мне определяют роль эксперта эротической литературы. Докатилась». А вслух сказала:

– Знаете, Олег Васильевич, думаю, что он (Кэртис) ни разу не переступил той черты, за которой его книга расценивалась бы только как низкопробное чтение с оттенками порнографии. В общем, довольно интересно. Язык хорош.

– Да-да, – согласился Олег, уставившись на меня насмешливо. – Я не силен в английском, но, как мне кажется, стиль автора удивляет своей контрастностью. Иногда он лаконичен, как Моэм, иногда встречаются завитки покруче, чем у Диккенса, а в целом он так же оригинален, как и Лоуренс.

Уф! Я в очередной раз поймала себя на мысли, что Олег Васильевич – личность интересная и загадочная. Что можно сказать о человеке, который читал Диккенса в оригинале? Или он пишет докторскую на кафедре романо-германской филологии, или у него сдвиг по фазе. Это ведь не Агата Кристи, которая для описания всех своих крутых и загадочных убийств использовала три десятка глаголов.

Продолжить нашу научную дискуссию и сравнительный анализ языка зарубежных авторов нам с Олегом Васильевичем помешала Эванжелина. Раздался телефонный звонок, и я подняла трубку.

– Я у тебя, – тихо проговорила Эванжелина. – Приходи, мне так плохо...

Москва завалена бананами. Я купила два пучка для страдающей Эванжелины. Самые лучшие – это самые дешевые, в коричневых пятнышках – признак, с одной стороны, максимальной спелости, с другой – близкого гниения. Мы определили это экспериментальным путем, изведя тонну бананов «Фаворита», «Чикита» и еще многих других сортов. Бананы мягкие, сладкие и пахучие, их не надо кусать, а можно втягивать в себя губами. К тому же радует отсутствие косточек. Эванжелина реагирует на бананы неадекватно. Она бросается на них, как эвакуированная блокадница на ташкентский лаваш. Антрекот тоже ест бананы. В общем, компания у нас собралась – одни бананоеды, только успевай выкладывать деньги. Эванжелина – Бананоед номер один, и Антрекот – Бананоед номер два. Мы с Сержем замыкаем колонну.

Мой кот Антрекот интеллигентен (есть в кого) и остроумен. Но иногда он умышленно прикидывается тупым. Например, когда я отбиваю на кухне мясо, ему следовало бы тихо лежать в спальне с Сержем и ждать, когда я позову ужинать. Однако Антрекот проявляет в данном случае такую ужасающую умственную недостаточность, что у меня просто опускаются руки. Он не внемлет моим разумным и понятным любому нормальному животному призывам: сгинуть, убратся, свалить из кухни, а продолжает крутиться под ногами в надежде, что я случайно уроню на него кусок мяса (тоже мне, нашел дуру!). Не удовлетворившись бессмысленным мельтешением по шестиметровой кухне, он к тому же начинает выть. Это шокирующее скудоумие окончательно выводит меня из себя. Я беру Антрекота за то место, где у людей талия, и несу его в спальню. В спальне на огромной арабской кровати лежит мой блистательный «фриланс» в семейных трусах и с пишемашинкой на груди и отстукивает очередную сенсацию.

– Антрекот, посмотри, человек добросовестно работает и скромно ожидает ужина, почему бы тебе не вести себя аналогично? – вкрадчиво интересуюсь я, замуравывая Антрекота в одеяло.

– Наверное, он хочет съесть причитающуюся ему часть говядины до того, как ты испробуешь на ней свои весьма ограниченные кулинарные способности, – защищает кота Сергей.

В тот день бананы пришлось как нельзя кстати. Дома я застала Эванжелину и кота, повисшего на шторе (альпинизм – это его конек). Серж, наверное, решил куда-нибудь уйти, чтобы не травмировать себя видом заревавшей Эванжелины.

Ловко манипулируя принесенными бананами, я попыталась успокоить подругу и выяснить, что же произошло. Эванжелина заглатывала бананы один за другим, но на уровень влажности в квартире это никак не влияло. Она просто поливала меня слезами. Причина была до глупости банальна. Эванжелина, как в штопор, вошла в новую гранд-аморэ, а способа выходить из нее без ущерба для нервной системы она еще не освоила. Эванжелина из той породы женщин, которые не могут самостоятельно существовать без твердой опоры. Поэтому ее, как теплую волну к скале, прибывает то к одному, то к другому мужчине. Она очень красива в своем несчастье, и, вместо того чтобы посочувствовать, я откровенно люблю ее припухшей очаровательной физиономией. Но не могу же я сочувствовать в десятый раз, когда все мои предостережения проваливаются в бездонную яму? Эванжелина в очередной раз устремила навстречу сказочной любви, преподнесла душу, а понадобилось лишь тело. Самоутвердившись, избранник скрылся за горизонтом. То, что Эванжелина считала увертюрой, оказалось безрадостным финалом, остались слезы и вопрос «почему?». В такие минуты я начинаю ненавидеть всю мужскую половину человечества, которая внушает моей единственной подруге мысль, что ее, из-за ее внешности, нельзя любить как обыкновенную женщину.

Внешность у Эванжелины сказочная. Тип Мэрилин Монро. Сияющая улыбка, родинка на щеке, падающая на глаза светлая челка. И я не могу разобраться: нравится ли мне облик Эванжелины, потому что ее красота напоминает мне Мэрилин Монро, или это я Мэрилин Монро люблю за то, что она ассоциируется у меня с Эванжелиной?

Жизнь Эванжелины так же бестолкова и несурозна, как и ее имя. Эванжелина Никифорова – можно ли придумать более глупое сочетание? Я не знаю, чем руководствовались родители Эванжелины и какую судьбу они пророчили своему ребенку, выбирая такое претенциозное имечко.

Женская расчетливость подсказала бы кому-то другому, не мне, что нельзя дружить с Эванжелиной, есть с ней сообща бананы и знакомить с любимым человеком. Потому что рядом с ее удивительной красотой я просто растворяюсь в воздухе – меня нет, меня не замечают. Но я всю жизнь люблю Эванжелину за ее бестолковость и незащитность. Она не глупа, но усердно повторяет одни и те же ошибки. Она доверчива, как слоненок, в ней нет ни грамма хитрости и изворотливости, присущей красивым и не очень умным женщинам. Женщин с ее внешностью надо холить и лелеять, оберегать, как достояние нации и прекрасный подарок природы человечеству. Эванжелина, наоборот, собирает на своем пути все ямы и колдобины. Периоды восторженного счастья и черной депрессии сменяются у нее так часто, что я на ее месте давно бы уже рассыпалась на запчасти от резкого колебания температур. Я вспомнила, как еще пару дней назад, в нашу предыдущую встречу, она весело щебетала всякую ерунду, рассказывала про какую-то очаровательную женщину, которая стала ее новой клиенткой в косметологии и так мила и невысокомерна, про своего друга – заботливого и темпераментного, про успехи дочери в немецком, а теперь вот снова рыдает на моем плече, и нет слов, которые могли бы ее успокоить.

– Эванжелиночка, – неуверенно бубню я, – если мужчина удовольствовался голым сексом, то он изначально ущербен. Ну и забудь, пусть себе катится. Эванжелиночка, тебе только двадцать девять, и впереди в жизни тебя ждет мужчина, который не остановится лишь на изу-

чении отдельной части твоего организма, а заглянет тебе в сердце и узнает, какая ты удивительная, милая, добрая, как ты умеешь любить и быть преданной, верной, бескорыстной. Ты только не разменивайся на озабоченных придурков...

Но из моей лицемерной проповеди (как это ни грустно, но я уверена, что новый более-менее настойчивый озабоченный придурок опять же добьется своего) Эванжелина воспринимает только слово «придурок», и это вызывает новый залп всхлипываний и подвываний. Точно такие же несчастные глаза и залитые слезами щеки я видела двадцать лет назад, когда из всей веселой и многочисленной команды уличных соловьев-разбойников только одна Эванжелина ухитрилась зацепиться платьем за железку, свалиться на асфальт и разодрать в кровь коленки.

И тринадцать лет назад было то же самое, когда из сексуального бума, охватившего наш десятый класс, одна лишь Эванжелина выбралась с растущим животом, на который мы вдвоем смотрели с благоговейным ужасом и не знали, как его ликвидировать втайне от родителей. Родители были суровы и прямолинейны.

В двадцать четыре года Эванжелина, как в бурную реку, ринулась замуж. Восьмилетняя и обожаемая дочка Катя была со стонами отдана бабуле-коммунистке в подмосковную деревню, а Эванжелина завертелась в круговороте презентаций, посольских приемов и заграничных поездок. Кратковременный муж сумел предоставить ее изумительной красоте соответствующую оправу. И Эванжелина сверкала, как искусно ограненный алмаз. Год сказочного замужества окончился внезапно и трагически. Мужа сбила машина, он оказался замешанным в каких-то мафиозных делах. Эванжелину в траурном наряде затаскали по судам, конфисковали имущество, из которого удалось сохранить лишь квартиру, записанную на Эванжелину, и то барахло, которое мы спрятали у меня.

Муж был хотя и гангстером, но веселым и горячо любимым. После его смерти Эванжелина похудела на семь килограммов, закончила курсы косметологов и забрала из деревни Катюшу. Теперь днем она ковыряла и массировала физиономии богатых теток, а вечером мы с ней смотрели видик, листали каталоги и мечтали, что купим или сошьем в будущем.

Катюша (какое счастье, что тогда, в десятом классе, нам все-таки не удалось найти врача, промышляющего подпольными абортами!) выросла в тринадцатилетнюю серьезную девушку. Внешность она унаследовала от Эванжелины, а мозги – от очкастого студента-дезертира. Она любила свою молодую и безответственную мамашу, но благодаря пуританскому воспитанию в деревне у бабули – строительницы одной из веток БАМа – и влиянию английской спецшколы, к этой любви примешивались жалость и осуждение.

Сквозь теплый, ветреный июль мы неторопливо доковыляли до зарплаты. А зарплаты мы ждали, как ждут младенца в семье, где врачи предрекли окончательное бесплодие. И она не обманула наших ожиданий. 31 июля я получила в руки пачку «деревянных» и в отдельном конверте – стодолларовую купюру.

В тот же вечер к нам примчалась Эванжелина. Она все еще пребывала в роли жестоко обманутой женщины, но уже искрилась предвкушением какой-то головокружительной аферы.

– Мы идем в казино! – закричала она с порога. – Мы выиграем десять тысяч, нет – сто тысяч долларов!!!

Идти в валютное казино с одной стодолларовой бумажкой, первой, которую я держала в руках за всю свою жизнь, казалось сумасшествием. Но Эванжелина в два счета доказала мне преимущество ста тысяч перед одной сотней, мой мысленный взор уже кровожадно шарил по полкам валютных магазинов города, и я сдалась. Если маховик несчастий, постигших меня в эти месяцы, был запущен, когда я устроилась на новую работу, то своим решением посетить казино мы сообщили ему дополнительный заряд энергии.

Для налета было выбрано «Макао» – на «Савой» не хватило духа, да и входная плата там съела бы все наши сто долларов.

Первого августа, в субботу, Эванжелина притащила два мини-платья, потом профессионально изобразила на наших лицах фирменный мейк-ап «Сумерки в тропическом лесу», и, глотнув для смелости по сто пятьдесят три грамма амаретто «Казанова» из коллекции Сергея, мы отправились навстречу неизвестности.

В радиусе двадцати метров от входа в казино брусчатка была тщательно вылизана и как будто бы надраена наждачной бумагой. Крепыш в форменном пиджаке приоткрыл перед Эванжелиной тяжелую резную дверь, а мне преградил путь грудью, способной прикрыть сразу три амбразуры.

Между мной и охранником состоялся следующий диалог:

– Have you got hard currency?¹

– Ma certo, caro, pensai che posso qui venire senza avere i soldi?²

– Извините, синьора, пожалуйста, проходите, я принял вас за русскую...

А если принял за русскую, то какого черта задавать вопросы на английском? Чувствую, как во мне крепнет отвращение к внезапно народившемуся классу откормленных мордвороотов, которые, нацепив модные пиджаки и вызубрив пару иностранных фраз, считают себя на три уровня выше тех несчастных, кто продолжает ходить на заводы и там создавать материальные ценности, толпиться в магазинах за дешевыми супнаборами и давиться в автобусах.

А может быть, я просто зануда и пусть каждый живет как хочет?

Прорвав ограждение, я устремилась на помощь Эванжелине, которая растерянно взидала на симпатичную высокую девушку в униформе. Девушка говорила по-английски, а Эванжелина из всего английского знала лишь «сорри», «гуд» и один глагол, наиболее часто употребляемый в американских видеофильмах. Можно было подумать, что мы попали не в казино, а на курсы ликбеза – они, наверное, решили нас закопать со своим английским. Я вмешалась. Девушка облегченно вздохнула, одарила нас божественной улыбкой, сообщила, что она – менеджер, совсем недавно прилетела из Америки, и повела нас к рулетке – сначала мимо одноруких бандитов, потом – мимо карточных столов.

Рулетка находилась на втором этаже. Небольшой зал, благодаря плотно зашторенным окнам, был погружен в полумрак, но зеленые игорные столы были залиты ярким светом. Слышались приглушенные голоса и вздохи, звук катающихся шариков. От присутствующих дам мы с Эванжелиной отличались отсутствием сверкающих побрякушек на шеях и запястьях. Но по встревоженным мужским взглядам я поняла, что даже здесь, где мысль сосредоточена только на игре и выигрыше, появление Эванжилины не осталось незамеченным.

Моя душечка горячо шептала мне на ухо:

– Будем играть по системе. От общего – к частному. Поставим сначала на красное, потом на столбец, потом на каре, потом на разделение, а потом на семерку – у меня седьмого числа день рождения...

Из этой взволнованной скороговорки я поняла, что 1) Эванжелина основательно подковалась, прежде чем идти в казино, 2) сыграть самой мне не удастся, 3) сейчас мы поставим сто долларов на красное и выпадет черное.

В общем, я разменяла в кассе бумажку, вручила Эванжелине пятьдесят долларов и ушла к другому столу.

Там было только два свободных места. Я села. На меня никто не поднял глаз, и через минуту я сама забыла обо всем на свете. Шарик бегал по кругу, напротив сидела нервная, возбужденная девушка-азиатка. Судя по горе фишек и мятых бумажек, везло ей сегодня основательно. Крупье методично провозглашал: «Делайте ваши ставки, господа», – но я пока только смотрела.

¹ У вас есть валюта? (англ.)

² Конечно, дорогой, ты думал, я сюда без денег приду? (ит.)

Экзотичная азиатка сдвинула гору фишек на недобор – и через минуту куча денег перед ней удвоилась. Затаив дыхание, она отделила фишки от долларовых бумажек и поставила на красное. Я (конформистка!) сделала то же самое, и через пару томительных мгновений у меня было уже сто долларов. Чувство азарта, еще не изведенное мною в таком концентрированном варианте, стало захватывать. За столом лишь один крупье был бесстрастен и невозмутим, других выдавали красные пятна на щеках и горящие глаза.

Красивой азиатке крупно везло, это был ее день, она следила за шариком, не отрывая глаз, – так Антрекот, собравшись в напряженный комок, водит взглядом за мухой на оконном стекле. Девушка поминутно заправляла назад тонкие пряди волос, которые выбились из прически и теперь очень привлекательно свисали на уши.

– Все на zero, – хрипловато выдохнула она.

– Извините, максимальная ставка две тысячи.

– Хорошо, две тысячи на zero.

Кажется, все переживали уже не за себя, а за девушку. Я затаила дыхание. Шарик катился по канавке, уже замедляя ход. Оборот, еще один... Азиатка навалилась грудью на стол и нервно дышала. Шарик соскочил в клетку.

– Zero, – объявил крупье.

Девушка резко вскочила, едва не опрокинув стул, потом снова села. И тут в зале стало в два раза светлее – она засияла, как неоновая реклама, продемонстрировав нам два ряда жемчужных зубов, хотя казалось, из ее глаз вот-вот брызнут слезы радости. Крупье выписал чек, девушка сгребла его в сумочку вместе с оставшимися фишками, купюрами и встала из-за стола.

Я ринулась в бой. На земле остались только я, шарик и клетки с цифрами. Пару раз мне казалось, что из полумрака за мной следит пристальный взгляд, но не было сил оторвать глаза от рулетки.

Поставила на черное, получила новую сотню. Сдвинула все на каре – и через две минуты в моих руках оказалось тысяча шестьсот долларов. Чтобы заработать такую сумму, в редакции надо было отпахать лет шесть. Поставила шестьсот на столбец и проиграла. Пятьсот на красное – и снова проиграла. Уже без надежды на выигрыш я бросила сотню на разделение, и – о фантастика! – ко мне вернулось тысяча семьсот. Если сложить все вместе – получалось почти две с половиной тысячи. Не давая себе возможности подумать, я решительно сдвинула две тысячи на zero и в одно мгновение лишилась их. Двести долларов на красное и двести – на один номер. Очень долго катится шарик, мог бы бегать и побыстрее. Красное! Получила обратно свои четыреста долларов.

Самая крупная сумма, побывавшая в моих руках в этот вечер, – больше семи с половиной тысяч долларов. Это я запомнила хорошо. Как я могла бы их использовать? Купила бы машину, «шестерка» Сергея, того гляди, рассыплется. Нет, об этом лучше не думать. Когда я вставала из-за стола, у меня не было даже десяти долларов на коктейль в баре.

Эванжелину я засекала у кассы. Сейчас ее можно было использовать как олимпийский факел или сварочный аппарат. Она излучала ослепительную радость.

– Ты знаешь, решила остановиться. Три тысячи долларов! Я такой суммы в жизни в руках не держала. Ой, а на тебя смотрит очень интересный мужчина. – Эванжелина улыбнулась кому-то за моей спиной.

– Скорее всего, он смотрит на тебя. А я в полном ауте.

На Эванжелинин выигрыш мы здорово повеселились в роскошном баре. Подозреваю, этот бар был специально задуман для того, чтобы посетители так и не смогли вынести из казино свой выигрыш. Мы начали со сложных коктейлей «Марокканский пикник» и «Лунная соната», а вот чем закончили – видит бог, я не помню. Если мы чего-то и не попробовали, то только в том случае, если до нас это выпила компания таких же веселых и беззаботных алкоголиков.

Сквозь туман помню, как Эванжелина пеленала в белоснежную салфетку с изящной вышивкой полбанана, вытащенного из мороженого, тупо приговаривая: «Это надо взять Антрекоту».

Большую часть выигрыша мы спустили. Несмотря на свое состояние, пьяная Эванжелина предлагала честно поделить остаток пополам, но в конце концов нам с трудом удалось отсчитать сто долларов (никогда бы не подумала, что эта задача окажется почти непосильной – пришлось привлечь к этому метрдотеля), и я забрала их.

А еще в пьяном бреду мы поклялись друг другу никогда больше здесь не появляться. Потому что меня это пугало – открывать в себе на двадцать девятом году жизни неизведанные территории, чувства и склонности, которые раньше себя никак не проявляли. Дрожащие руки, капельки пота на висках, прыгающее в груди сердце – нет, если деньги и доставать, то не таким способом. Эванжелина меня поддержала, хотя и выговаривала слова с огромным трудом.

Ко мне домой мы почему-то добирались на БМВ. Точно помню, что это был БМВ, хотя не понимаю, откуда он взялся. Веселая Эванжелина кричала, что впервые в жизни едет на таком великолепном «понтиаке», и каждые три минуты падала на водителя, усложняя процесс управления машиной. Я всю дорогу тщетно пыталась сфокусировать взгляд на затылке парня, который нас вез, но видела только что-то черное, расплывчатое, прерываемое яркими вспышками желтых и белых уличных фонарей.

Последнее, что отложилось в сознании, – это то, как смеялся и изобретательно матерился Серж, затаскивая нас на третий этаж.

Август – пора переворотов. Только неделя прошла со дня нашего громкого похода в казино, как произошло кошмарное происшествие. Короткий прямой удар в солнечное сплетение.

Началось все с того, что в субботу знакомая подкинула мне ребенка. Ребенок (мальчик) попался неуправляемый. Я возненавидела его через пятнадцать минут после того, как за его мамашей захлопнулась входная дверь. Он все время жевал яблоко или грушу и был измазан яблочными слюнями до ушей и по колено. Он все трогал руками – зеркало, полированную стенку, стекла книжных полок, мой белоснежный дорогой костюм. Он засунул жвачку мне в тапочку и выгрыз (!!) струну теннисной ракетки. Он залез на журнальный столик, чтобы дотянуться до красивой бутылки ликера, подпрыгнул и сломал его. Бутылка, описав замысловатую дугу, приземлилась боком на паркет, разбилась, и мне осталось только гадать, смогу ли я теперь вывести темно-вишневые пятна с нежно-зеленого ковра.

Он морально уничтожил моего кота. Антрекот забился в кладовку, и я его не видела до конца субботы. Через пару часов оккупации я поняла: мне надо или уйти из дому и молить бога, чтобы от квартиры осталось хоть что-нибудь, или утопить ребенка в ванне – иначе я сойду с ума.

Еще я открыла для себя простую истину – собственных детей у меня не будет. Я согласна еще повосхищаться чужими отпрысками – с расстояния десяти метров и в случае, если у них рот будет заклеен лейкопластырем, а руки крепко привязаны к туловищу, – но иметь своих – нет, до такого я никогда морально не дозрею.

В семь вечера мамаша забрала своего кроткого ангела, превратившего мою квартиру в пепелище. «Тебя не обижали, мой маленький?» Нет, его не обижали.

В семь ноль три из кладовки осторожно выполз Антрекот с шерстяным носком на шее. Мы скорбно посмотрели друг на друга и синхронно вздохнули. Если уж для Антрекота – многодетного папаши со стажем – эта суббота явилась откровением, то что уж говорить обо мне?

Оглядев руины, я поняла, что без генеральной уборки не обойтись.

Вообще-то я не позволяю быту себя заедать. Не понимаю женщин, для которых уборка – ежедневное культовое отправление. В моем доме все подчинено принципу «полный порядок меньшими физическими затратами». Это элементарно, но не все понимают. Просто каждая

вещь должна лежать на своем месте. Серж за три года нашей совместной жизни привык, что если он не разбирается со своими любимыми газетами в течение недели, то они просто исчезают.

Правда, моя теория минимальных затрат иногда получала логическое развитие, и тогда Серж возмущался, что я затрачиваю на приготовление ужина для него в три раза меньше времени, чем для Антрекота! Но ведь Антрекот не может накормить себя сам! Он и консервную банку открыть не в состоянии.

На следующий день мой любимый товарищ Серж предусмотрительно исчез из квартиры, и мы с Антрекотом развернулись. Мы носились по комнатам с ведрами и тряпками, пылесосили, протирали, отмывали, полировали. Особенно старался Антрекот. Когда я мыла окна, он по привычке болтался на шторе, всем своим озабоченным видом показывая: «Видишь, проверяю, достаточно ли прочны гардины». Когда я пылесосила, он изображал из себя Самую Главную Пыль, носился по паркету, стучал когтями и падал на поворотах на бок.

Наконец дело дошло до стирки. Я сортировала белье и одежду, чтобы замочить, и обнаружила в кармане Сережиных джинсов нечто бумажное. «Деньги», – с восторгом подумала я и вытащила записку, отпечатанную на пишущей машинке.

«Соскучилась. У меня для тебя подарок. С нетерпением жду встречи».

Я присела на край ванны. Вот такие моменты и укорачивают нашу и без того недлинную жизнь. Мне пришлось прочитать записку еще раз пять, чтобы осознать, что три года безмятежного счастья, любви и доверия закончились и теперь мне придется привыкнуть жить по-другому – в одиночестве. Измены я простить не могла никак. После всего того, что было между нами, он завел себе какую-то дуру, которая даже на машинке печатать толком не умеет – две опечатки в трех предложениях. Хорошо еще, что нет орфографических ошибок.

Горячая вода хлестала по стенкам ванной, а я сидела и сидела, подперев рукой подбородок и отшвырнув от себя теперь уже ненавистные джинсы.

Прострация длилась до тех пор, пока не появился Серж.

– О, – разочарованно протянул он, – а я думал, вы уже закончили.

И тут я сорвалась. Повела себя, надо сказать, в несвойственной мне манере. Съехала с рельсов. Орала, рыдала, клеймила, оскорбляла – стыдно вспоминать. В конце концов я швырнула в лицо Сергею джинсы и записку. Он посмотрел на нее, сказал «дура», повернулся и ушел. Не снизошел до объяснений. Прекрасно. Я переживу.

Все оставшееся время дня я была как телевизор, из которого вынули очень важную деталь и он пытается что-то показывать, но у него не получается. Я кое-как закончила уборку, накормила Антрекота. Антрекот тоже чувствовал произошедшую во мне перемену и сардины в масле принял без обычного энтузиазма. Я наконец поняла, как глупы и неубедительны были все те слова, которыми я пыталась утешить Эванжелину. Разве тут могут помочь слова, а тем более мои нудные нотации?

Три года мы прожили почти как в раю. Сергей не походил на большинство мужчин-журналистов – суетливых, прокуренных, говорливых, отслеживающих график презентаций с пристальным вниманием хронических алкоголиков. Он был огромным, широкоплечим, задиристым, ироничным. Врагам его очень логичные и аргументированные статьи проедали печень, а для меня не было сиделки заботливее, когда я болела гриппом. Он никогда не забывал покормить коту рыбу. За три года я обнаружила в нем лишь одну слабость – Сергей любил захламлять квартиру газетами, называя их все, даже просто рекламные листки с программой ТВ, архивом. Он пытался хранить их под диваном, креслами, столами и так далее.

А теперь вот надо было представить себе, что все те нежные, удивительные слова, предназначавшиеся мне в промежутки вечернего времени, когда телевизор уже выключен, а свет

еще нет, что все эти необыкновенные слова существовали в двойном экземпляре. И он так же нежно говорил их еще и этой крысе, которая не умеет толком печатать на машинке.

...Вечером пострадавшую навестила Эванжелина. Она выслушала мой горько-истерический рассказ, задумчиво поковыряла на сковородке баклажаны и легко успокоила:

– Танюха, вернется. Куда ж он без тебя? – а потом, жестокая и равнодушная к несчастью подруги, взяла Антрекота, «Комсомолку» и села читать статью про детскую проституцию.

Раненная, почти убитая, я лежала на кровати и трагически молчала. Сейчас с меня можно было писать картину «Умиравший галл».

– Эванжелина, как ты думаешь, какая она?

Эванжелина читала о том, как семилетних детей снимают в порнофильмах и используют для любовных утех, глаза у нее были квадратными от ужаса, и она не смогла сразу понять, о чем я ее спрашиваю. Она заморгала двухметровыми ресницами, от чего в комнате поднялся ветер.

– Эванжелина, – повторила я свой вопрос, – ну, на кого меня можно променять?

– А-а-а, ты про это... Тебя нельзя променять. Ты такая умная, образованная, даже симпатичная. Не толстая. Вот...

Что-то слишком быстро закончился перечень моих достоинств!

– Может быть, это какая-нибудь маленькая дурочка, которая смотрит на него изумленно и с восхищением!

– Эванжелина, но я тоже смотрела с восхищением!

– Да что ты расстраиваешься! Погуляет, развеется и к двенадцати вернется. Вот лучше ответь мне на вопрос. Слушай, меня удивляют журналисты, которые пишут про проституток. Конечно, тема жареная, и все будут читать не отрываясь. Но зачем это подавать под соусом, будто они заботятся о нашем просвещении? «Вы все равно никогда не побываете в Амстердаме, так я вам подробно опишу все заведения и их услуги» – так, что ли? Еще изображают из себя борцов за чистоту нравов. Ну, признались бы честно, что самим ужасно интересно посмотреть и очень приятно описывать голых красоток и их манипуляции. Зачем же врать, что в бордель их привел лишь профессиональный долг журналиста быть везде и всюду? Э-э, девочка моя, да ты плачешь?

Эванжелина потеряла дар речи – такое зрелище ей было незнакомо.

Обычно это она долго и упоительно рыдает на моей груди, а я ее успокаиваю. Не зная, что предпринять, Эванжелина пришла к выводу, что самое лучшее – поддержать товарища, попавшего в беду. Мы начали реветь вдвоем и в голос. А в телевизоре в это время очень удачно появилась Таня Буланова с песней «Не плачь», и траурная композиция получила логическую завершенность.

Не плачь. Еще одна осталась ночь у нас с тобой.
Еще один лишь раз скажу тебе: «Ты мой».
Еще один лишь только раз
Твои глаза
В мои посмотрят, и слеза вдруг упадет
На руку мне. А завтра я
Одна останусь, без тебя,
Но ты не плачь... —

пела Танечка, а мы упоенно и с надрывом рыдали. Прекрасное лицо Эванжелины было залито слезами, ресницы слиплись в черные стрелочки, рот стал распухшим и вишневым – она, как всегда, была живописна и привлекательна. А я, подозреваю, напоминала кролика, вымоченного в хлорке, – красноглазая, мокрая, несчастная.

Антрекоту, очевидно, все это надоело, и он решил прервать наш коллективный плач.

– Девчонки, – сказал он. – Хватит реветь, ковер заплесневеет.

Эванжелина замолкла, как вырубленный на полуслове магнитофон. «Все, кранты, – подумала я. – Мало того, что любовник сбежал, родной кот говорить начал».

– Слушай, – внезапно вспомнила Эванжелина, – а на меня Катя дуется.

В школе устроили собрание насчет ремонта. Было жарко, и я надела свое белое платье в горошек. Я честно не собиралась срывать собрание, но о ремонте уже никто не говорил, так как все смотрели под мою парту. Кошмар, натягивала юбку на колени, как могла. А на следующий день девчонки прицепились к Катюше во дворе и говорят: а что твоя мама как проститутка одевается?

И тут Эванжелина снова начала рыдать. Она, видно, решила собрать сразу все возможные поводы для слез и отревуть аккордно по всем статьям.

– Боже мой, – плачет Эванжелина (комната постепенно превращается в русскую баню, пар начинает конденсироваться на оконном стекле и экране телевизора), – ну почему эти дети такие злые? Вспомни, Таня, ведь мы такими не были. Поговори с Катей, скажи ей, чтобы она не думала обо мне плохо. Я просто глупая, я не сообразила, что мамыши не простят мне этого платья. Ну скажи ей! Я так ее люблю...

О бедная! Почему-то красивая женщина (или просто ухоженная, что для нас еще более дико) обречена всю жизнь выслушивать вслед оскорбления.

Как ни странно, но от Эванжелининого воодушевленного рева мне стало легче. Я снова почувствовала себя сильной и мудрой. И пообещала подруге завтра поговорить с Катюшей.

К кому же все-таки ушел Сергей?

Беда не приходит одна. Длинный, скучный, тоскливый понедельник закончился тем, что меня заперли в конторе.

С утра ко мне забежала Светка. На ней были новые лосины – фиолетовые, переливающиеся, и она вся сияла. Потому что, когда она заносила свежую почту Олегу Васильевичу, он сделал комплимент ей, ее лосинам, ее ногам и ее умению выбирать вещи, которые подчеркивают в ней самое лучшее. В общем, как я поняла, наш президент весьма изобретателен в умении делать комплименты. Во всяком случае, он очень успешно изображает искренность.

Светка нежно прощепетала, что в пятницу все, кто захочет, поедут в гостиницу «Подмосковье», где сотрудники «Интеркома» отличным уик-эндом смогут закрепить двухмесячное тунеядство. Светлана взяла с меня обещание, что я научу ее играть в большой теннис – ведь это ей просто необходимо, чтобы попрыгать на корте в мини-юбке перед Олегом.

После Светки ко мне заглянул Вадим. Вот кем бы следовало заняться Светке, а не тратить нежную юность на сорокалетнего старца Олега Дроздовцева. С Вадимом мы работали в тандеме, он довольно ловко обращался с компьютером – макетировал тексты реклам, сочиненных мною, украшал их картинками и выдавал все с лазерного принтера. Получалось очень красиво.

Вадим (всего двадцать четыре года – какая все-таки я уже старуха!) был очень хорош собой, но когда я спросила у Светки, почему она не обратит на него внимание, она возмущенно замахала руками и сказала, что он – закомплексованная тряпка и никогда не сможет защитить.

Вадим действительно был очень застенчив и мягок. Длинная темная челка все время падала на правый глаз, в то время как затылок был коротко подстрижен. Картину дополняли очень черные густые брови и ресницы, щеки часто пылали совершенно детским румянцем (особенно когда к нам в кабинет заходил Олег Васильевич, которого Вадим, как я подозреваю, побаивался). Если бы внешность была главным критерием, по которому я распределяю дозы своей благосклонности между отдельными мужчинами, то я давным-давно уже влюбилась бы в Вадика. Увы, единственный мужчина, пользовавшийся моей благосклонностью, ушел вчера из дома, хлопнув дверью и даже не взяв с собой любимую жилетовскую бритву с плавающим лезвием.

Вадим так же мало бывал в офисе, как и все мы. Он заходил на пару часов, заглядывал ко мне поболтать, к Олегу Васильевичу – засвидетельствовать почтение и исчезал. Его личная жизнь была скрыта от общественности мраком неизвестности, но, по утверждению Светки, любимая девушка или просто подруга в ней пока не фигурировала, что было странно для обладателя такой внешности и шикарного «опеля». Задумчивость и молчаливость Вадима, а также склонность к долгому и мечтательному разглядыванию листиков за окном делали его приятным и ненадоедливым в общении. Ту небольшую работу, которая перепадала нам в этой конторе, мы делали быстро и с намеком на истинный профессионализм. Поэтому и отношения у нас установились необременительно-приятельские. Когда нашим биоритмам случилось совпасть и мы выходили из офиса вечером в одно и то же время, Вадим подбрасывал меня домой. Машину он водил артистически-небрежно. Один раз он подарил мне итальянский «Журнал для настоящей женщины». «Юный льстец», – подумала я тогда.

Так вот, в то утро, после того как ушел Вадим, я долго сидела в прострации. Любимый человек пробил брешь в моем самолюбии, я мечтала об отмщении.

Сначала я пыталась проанализировать, что такого во мне было неудовлетворительного, раз потребовалась замена. Потом я четвертовала разлучницу и растерла в порошок остатки ее мерзкого тела. Удовольствия мне это не принесло никакого, к тому же начала трещать голова, а на глаза постоянно наворачивались слезы обиды и бессилия. Не хватало еще, чтобы меня застали в кабинете, орошающей слезами айбиземовский компьютер. Компьютеру это будет вряд ли полезно, моей репутации «деловой и собранной женщины» – тоже. И я решила развеяться и сходить к Эванжелине.

Эванжелина работала в косметическом кабинете гостиницы «У лукоморья», которая занимала небольшое здание в псевдорусском стиле с резными наличниками, а постояльцев-иностранцев здесь угощали пельменями, заливным языком, кулебякой и блинами с красной икрой.

У Эванжелины была небольшая комната на первом этаже, где сверкали белизной раковины и на полках сумрачно переливались фиолетовым, розовым, изумрудным цветом дорогие яркие флаконы. Интересно, что иностранки, останавливавшиеся в гостинице, к Эванжелине не заглядывали. Может быть, их пугала Эванжелинина невосприимчивость к английскому, а может, их кожа просто не нуждалась в услугах косметолога. Хотя в своем деле Эванжелина достигла вершин мастерства и практически могла сделать съедобной даже самую последнюю страшилку. Эванжелина взбивала физиономии жен богатых бизнесменов как сдобное тесто, накладывала бельгийские маски и теплый парафин, массировала скалочкой на шарикоподшипниках. Ее ценили, к ней записывались за неделю и дарили подарки.

В обеденный перерыв у Эванжелины было пусто, она размещала на полочках в геометрическом порядке банки с кремами, а на диване сидела надутая Катюша. Ага, я ведь обещала провести культбеседу с ребенком!

С Катюшей мы дружили, так как растили мы ее с Эванжелиной совместно. Она была серьезна и вдумчива, много читала и многое из прочитанного даже запоминала. В школе их учили английскому, немецкому, основам маркетинга (какой бред! – опять же дань моде), машинописи, делопроизводству, компьютерной грамотности и еще много чему. Она уже вполне сносно болтала на двух языках, стучала на машинке десятью пальцами и знала наизусть половину Пастернака. Кроме того, Катя обещала через два года превратиться в феноменальную красавицу и затмить свою престарелую мамашу.

– Катя, Катерина, эх, душа, до чего ты, Катя, хороша! – невесело просипела я (вокальными данными я никогда не отличалась) надутому ребенку. Мне и самой сейчас было тоскливо, а вот еще необходимо восстановить мир в семье.

Прощтрафившаяся Эванжелина на цыпочках уползла за дверь.

– Ну, Катя, рассказывай, что у вас опять произошло и почему ты третируешь свою изумительную мамочку?

– Я не хочу, чтобы мою маму обзывали проституткой!

(Белое платье в горошек, в котором Эванжелину угораздило пойти на собрание, было просто великолепно. Я его прекрасно помнила. Оно не скрывало в Эванжелине ничего, что могло бы эстетически порадовать окружающих. А у Эванжелины любой сантиметр поверхности тела волнителен до спазм в горле.)

– Ну, девочка моя, скажи, кто конкретно ее так назвал?

– Фамилии, что ли, сказать? Ну, Копылова, Берг и Шишкова.

– Так. А кто у них ходил на собрание?

– Ну кто... Тоже мамы и ходили.

– Вот! – победоносно восклицаю я. – А хоть одна девочка, у которой на собрание ходил папа, тебе что-нибудь сказала?

– Не-е-т, – озадаченно тянет Катя и хлопает глазами.

Попалась, малышка, хотя и изучает основы маркетинга, а все равно глупый ребенок. Сейчас я ее дожду.

– А ты задумывалась, почему так произошло? Популярно объясняю. Папы, придя с собрания, оглядели своих потрепанных боевых друзей – остроколенчатых, большеротых и страшных или, наоборот, своих жирных тюлений, развалившихся перед телевизором, и что сделали папы? Папы вспомнили твою маму, мысленно произвели сравнение, ужаснулись, в очередной раз убедились, что в молодости они были непроходимо тупы, и промолчали. А что сделали мамы, побывавшие на собрании? Израненное самолюбие не позволило им промолчать – женщины болтливы себе в ущерб и завистливы. Они забурили, закипели, как суп харчо, забытый на плите. Они поделились с мужьями, в каком неприличном виде, почти голая, пришла на собрание эта Корсакова. Емкости их куриных мозгов явно не хватило для того, чтобы понять: уж теперь-то их мужья точно ни одного собрания не пропустят, а возможно, даже и станут инициаторами внеплановых субботников по ремонту класса. Все это, Катерина, просто мелочная женская зависть. А ты можешь гордиться своей мамой. Эванжелина – лучшее творение природы, которое мы можем найти в Москве и в ста шестнадцати километрах в радиусе от нее. Но божественная внешность и изумительная фигура – это еще не все.

Твоя мама удивительно добра, и в чем ее можно упрекнуть, так это только в чрезмерной доверчивости.

Эх! Уйду из «Интеркома» и стану адвокатом.

– Я ведь ее очень-очень люблю, – сказала Катя.

Кажется, мне поверили.

После того как я отправила ребенка домой поразмышлять над моими разумными доводами, появилась Эванжелина. Глаза у нее были на мокром месте.

– Я подслушивала. Танюша, ты настоящий друг...

Я вернулась от Эванжелины и после обеда закрылась у себя в кабинете. Мне было грустно и одиноко. Читала «Коммерсантъ», рисовала на бумаге мрачные картинки из истории французской революции. И досиделась. Когда около шести вечера я спустилась вниз, красная лампочка говорила о том, что дверь уже поставлена на сигнализацию.

Я уныло побрела обратно к себе. Перспектива провести ночь в кресле совсем не радовала, дома тосковал некормленный кот. Я подумала, что если отыскать телефоны охранников, то они приедут и вызволят меня. Проходя мимо кабинета Олега Васильевича, я обнаружила, что он не заперт.

На огромном полированном столе светлого дерева стояла, как и в других кабинетах, айбимка. Здесь же громоздились стопки документов, лежали книги в ярких обложках (творение

Кэртиса тоже присутствовало – кажется, для «Интеркома» эта книга являлась настольной). Я уселась в кожаное кресло и задумалась.

Вот предоставляется случай удовлетворить свое любопытство. Возможно, компьютер Олега хранит какие-нибудь интересные сведения. Может быть, я сумею наконец понять, как можно делать большие деньги, не особенно напрягаясь. Вероятно, компьютеру доверена тайна, откуда, из каких источников поступают в нашу заурядную контору грандиозные суммы средств, обеспечивающие наше безбедное существование.

По экрану побежали разноцветные строчки – загружалась память. А моя совесть начала рыпаться – «Таня, это непорядочно», но я быстро убедила себя в том, что, во-первых, я не очень-то хорошо умею обращаться с компьютером и, возможно, ничего не сумею найти, а во-вторых, если я и откопаю какой-то криминал, то обязательно напишу разоблачительную статью в «Столицу» (рубрика «Персональные расследования») и тем самым сослужу пользу Отечеству и облегчу труд правоохранительным органам.

Информации в компьютере Олега хранилось неимоверно много. Я плутала по директориям и файлам, потом стала вставлять и просматривать дискеты и в конце концов добралась до чего-то засекреченного. Оно было записано на дискете с голубой наклейкой, без каких-либо опознавательных знаков или надписей, но прочитать я это что-то не могла. Компьютер упрямо требовал назвать ему «пароль», и мне пришлось полчаса упражняться в нажимании клавиш – поочередно, одновременно, в различных комбинациях. Конечно, все это было напрасно. Наверняка шифром являлось не одно какое-то слово или число, а целый текст.

Не везет так не везет. Я прекратила издеваться над компьютером, взяла «Итальянское лето» и стала перелистывать страницы, ставшие мне уже почти родными. Надо сказать, Олег над своим экземпляром книги потрудился основательно: остро отточенным карандашом он отмечал, как я поняла, интересные выражения и случаи необычной интерпретации грамматических правил – герундий, инфинитив, конъюнктив и прочую ерунду. Я тоже так делаю – подчеркиваю, а потом зубрю наизусть, – особенно если дело касается фразовых глаголов – этого мучения для всех, кто изучает английский вне языковой среды.

С книгой на коленях я просидела целый час. Потом сварила себе кофе. Потом задумалась. «You mustn't forget what I told you. It's very important» – эта фраза на сто девяносто шестой странице «Итальянского лета» была подчеркнута дважды, и на полях стоял восклицательный знак. Но что в ней такого интересного? Ничего особенного.

Я снова достала из ящика дискету с голубой наклейкой и, когда компьютер затребовал от меня шифр, набрала эту фразу. И началось! Монитор замигал всеми цветами радуги, на красных, лимонных, ядовито-зеленых карточках были написаны имена, фамилии, адреса, счета, МФО, суммы денег и прочее. В общем – картотека. Совершенно секретно. Информация к размышлению.

Я взмокла от напряжения. Все было, конечно, очень интересно, но каким образом это можно было бы использовать? Пока не знаю. Но чтобы материал, добытый только благодаря моему пристрастию к английскому и природной сообразительности, не пропадал даром, я сгоняла в свой кабинет, принесла дискету и переписала картотеку Дроздовцева.

И снова мое любопытство не было удовлетворено. И я решила пасть еще ниже. Наверное, сейчас среди журналистов и встречаются порядочные люди, но их удел – писать про бизнесменов-ударников и об открытии нового детского садика. Сенсация недоступна и привередлива, и чистыми руками ее не ухватишь. В моей журналистской практике мне приходилось пользоваться заведомо украденными документами, а Сергей даже платил своим информаторам (проще – стукачам) круглые суммы за раскопанный компромат.

В конце концов я по локоть запустила руки в бумаги Олега. Я разворошила и перекопала все, что можно было сдвинуть с места и перелистать. Мучила ли меня совесть? Да, мучила. Я

вела себя просто непристойно и отчетливо осознавала глубину своего падения. Но и с совестью можно договориться.

Небольшой плотный конверт привлек мое внимание. Он не был запечатан, но то, что я в нем обнаружила, на добрых три минуты лишило меня дара речи. Что угодно я ожидала найти в бумагах Олега Дроздовцева, но такое лежало за пределами моей фантазии!

Свою непорядочность я подтвердила тем, что не положила конверт обратно в стол, – я просто не могла его там оставить. Я забрала его с собой, понимая, что совершаю кражу. Но свидетелей не было, а совести придется привычно отсидеться где-нибудь в углу.

Закрывшись в своем кабинете, я долго и бесполезно нажимала на кнопки телефона – Эванжелины не было дома.

На следующий день, во вторник, часов в десять я подождала, пока в коридоре послышатся голоса, и инсценировала свое прибытие на рабочее место. Дамы из отдела маркетинга не без удовольствия посочувствовали мне за слегка помятую физиономию и круги под глазами.

Вскоре прибежала Светка с кислой физиономией и затравленным взглядом и поделилась своей бедой.

– Танечка, меня, кажется, уволят! – трагическим шепотом сообщила она. – Вчера Олег распечатывал на своем принтере какой-то длинный договор, ему позвонили, он отдал мне ключи от кабинета, поручил допечатать и вырубить компьютер. А я забыла закрыть дверь! А сегодня он, яростный, как буревестник в грозу, налетел на меня и чуть не размазал по автоответчику. Я думала – все, убьет, умру девственницей. Он орет, что с компьютером что-то случилось. А я распечатала договор и слиняла следом за ним. Кабинет, проклятье, не закрыла. А нечего ключами разбрасываться. Но неужели кто-то что-то спер! Но кому это надо – ведь легко докопаться?! Черт, такое место потерять – я лучше застрелюсь.

В кабинет заглянул Тупольский.

– Здравствуйте, Татьяна. Света, а ну быстро к Олегу Васильевичу! – резко скомандовал он, устрояюще зыркнув на нас своими ледяными глазками.

Светка взглядом попрощалась со мною навсегда и улетучилась.

Я прислушалась к себе. Из общей гаммы самых разнообразных чувств выкристаллизовывались три темы: первое – я украла конверт и меня могут рассекретить. Второе – из-за меня может пострадать Светка. Третье – самое противное и тягучее, как зубная боль, – меня бросил любимый мужчина.

Сначала я разобралась с похищенным конвертом. Если Олег уже обнаружил пропажу, то сможет ли он узнать, кто это сделал? А может быть, он просто заметил, что кто-то ковырялся в его компьютере? Хотя дискеты я сложила в ящик ровно и аккуратно, и, наверное, ему и в голову не придет, что кому-то удалось узнать шифр.

Теперь – Света. Если ее уволят – это будет на моей совести. Ничего, большие деньги в семнадцать лет развращают, поищет себе другое место. А может, еще Тупольский за нее заступится и она не вылетит из «Интеркома»?

С третьим источником моих отрицательных эмоций я не могла разделаться так просто. Мысль о том, что меня бросили, стояла в горле комом, как непрожеванная морковка. Гнуснейшее настроение на протяжении последних двух суток было обусловлено именно этим фактом.

Я взяла лист белой бумаги и написала на нем:

«Меня бросил любимый мужчина».

Это я приму за отправную точку. Надо просчитать оптимальные варианты поведения в моей дальнейшей, скучной, одинокой, безрадостной жизни. Я склонна к самокопанию. Может быть, потому, что не люблю повторять собственные ошибки.

Почему Серж ушел, хлопнув дверью? Нельзя сказать, что наша совместная жизнь была омрачена напряженностью и конфликтами. Хотя, возможно, последний месяц не радовал особенно полетами. Значим именно тот период, когда я начала работать в «Интеркоме». Может быть, моя бездеятельность? Я совсем перестала писать. Или то, что впереди забрезжила перспектива финансовой самостоятельности? Но Сергей никогда не был деспотом и не претендовал на роль абсолютного хозяина и кормильца.

Как Эванжелина, я задавала себе вопрос: «Ну почему же, почему?» И вдруг вспомнила: записка! Идиотка! Ищу причину в себе, а все дело в какой-то смазливой промокашке, которая перебежала дорогу!

Я вскипела. В ярости я страшна. Ощущалась настойчивая потребность грохнуть что-нибудь о стену, расколотить оконное стекло процессором и вырвать шнур у телефона. Но громить казенный кабинет... Сознание одну за другой рисовало жуткие картины кровавой мести. Я достаю нейтронную бомбу и подбрасываю в кровать этой мымы. Или: к журналистскому клубу подъезжает красный «опель» Вадима. Вадим, элегантный, эффектный, ослепительный, открывает мне дверцу. Я, в Эванжелинином платье, стильно покрашенная, с новой прической, стройная, легкая, не очень молодая, но очень терпкая, сексуально выхожу из машины. На крыльце (совершенно случайно) стоит Сергей с коллегами. Коллеги, онемев от восхищения, падают мне под ноги. Царственной походкой я прохожу по их вздрагивающим телам мимо ошарашенного Сержа. Я даже не достаиваю его взглядом. Серж в отчаянии рвет на себе горчичного цвета пиджак за 670 долларов. Ах, как хорошо!

Или вот еще: мне вручают Пулитцеровскую премию, в Америке я даю эксклюзивное интервью Филу Донахью. Интерьер студии умело выстроен, чтобы акцентировать элегантность моего синего костюма и меня в нем. Фил задает заковыристые вопросы, но это для меня лишь дополнительный повод блеснуть остроумием и безупречным английским. Передача транслируется на пять континентов, Сергей смотрит телевизор, он понимает, какую ошибку совершил. Он берет нож и убивает свою тупую неграмотную подружку. Нет, тогда он не сможет вернуться ко мне – его посадят (я уже готова простить). Ладно, пусть эта пустышка живет.

Мое сладкое галлюцинирование прервала снова Света. Она ворвалась в кабинет повеселевшая и заново покрашенная.

– Пронесло! Пронесло благодаря Тупольскому. Он Олегу говорит: ты что орешь на девчонку (это на меня, значит). Самому надо выключать компьютер и ключи хранить при себе. Потом они еще о чем-то говорили минут двадцать, шуршали бумажками, а потом выходит Олежа и мило так говорит: «Света, извини, все в порядке. Ключи я тебе больше не доверю, но нанесенный моральный ущерб попытаюсь компенсировать. Хочешь, я научу тебя играть в теннис?» Ты представляешь?! Он научит меня играть в теннис! А хочешь посмотреть, что я купила себе вчера?

Я облегченно вздохнула вместе со Светкой. Разоблачение откладывается на неопределенное время. В коридоре мы встретили Олега Васильевича, он держал в руках пачку ярких брошюр и был подчеркнуто вежлив.

– Здравствуйте, – кивнул он мне. – Тут для вас литература по вашему любимому предмету. «Паблик рилейшнз». Может, что-то интересное найдете. Я занесу вам в кабинет...

Светка проводила Дроздовцева влюбленным взглядом. В ее комнате мы рассмотрели новое Светкино приобретение – это были красные велюровые туфли с камнем и бантом – кажется, двадцать пятые по счету.

Два дня я не могла дозвониться до Эванжелины. В четверг, почти ночью, я наконец-то поймала ее. Изоляционистка неубедительно оправдывалась, что у нее был «кабель на повреждении» и телефон не работал, а зайти она не могла, так как чем-то болела. Я попросила Эван-

желину прийти к десяти утра на Ленинградский вокзал – оттуда мы завтра уезжали за город на три дня – в гостиницу «Подмосковье».

В пятницу мы со Светкой встретились на перроне. У обеих из спортивных сумок торчали рукоятки теннисных ракеток. Но Светка, полагаю, еще захватила с собой три набора косметики, фен для волос, спиральные бигуди и пятнадцать килограммов бижутерии – кажется, она решила использовать уик-энд, чтобы нанести сокрушительный удар по Олегу Васильевичу.

За все время работы в редакции мы только один раз выехали всей конторой в дом отдыха. Интеркомовцы делали это каждые два месяца, капиталисты проклятые (я никак не могла отделиться от привычки постоянно сравнивать: как было на предыдущей работе и как сейчас). И хотя сейчас было просто великолепно, шестое чувство подсказывало мне, что этот рай не надолго и когда-нибудь все же придется вернуться к ежедневному вкалыванию и ущербной зарплате. Это навевало тоску.

Светлана в ожидании электрички тараторила безостановочно. Она говорила мне, что Олег будет обязательно – а это самое главное; что в гостинице превосходный повар, его фирменное блюдо – грудка утки с черносливом; что муж ее старшей сестры купил себе «девятку»; что не дай бог решит приехать Тупольский (в прошлый раз его не было) – тогда выходные будут безнадежно испорчены, он будет гоняться за Светкой с англо-русским словарем и т. д.

По характерному выверту мужских шей я точно определила, откуда ждать Эванжелину. Видно, еще не совсем здоровая, она удивляла сегодня несвойственной ей сосредоточенностью взгляда. Эванжелина оставила на моей щеке ярко-красный бантик поцелуя, поздоровалась со Светкой и взяла у меня ключи. Увидев ее, Светка наконец-то затихла.

– Знаю-знаю, – сказала Эванжелина. – Фарш сырой не давать, солеными помидорами не баловать. Не волнуйся, мы с Катей позаботимся об Антрекоте как о родном. Ты далеко?

– Два часа на электричке. Гостиница «Подмосковье». Обещают классный корт. Мне сейчас надо развлечься. Вернусь в воскресенье вечером.

– А я тебе подарок приготовила. – Эванжелина достала три ярко-желтых теннисных мячика, упакованные в пленку и пластмассовую корзинку. Она была сегодня какая-то грустная. А мне ведь надо было с ней серьезно поговорить. Но некогда.

Подошла электричка, и мы со Светкой отчалили.

Два часа пролетели быстро. Деревья почему-то стали рано желтеть, вроде бы в середине августа им еще не положено. Наверное, причина – в некондиционном озоновом слое.

От станции к гостинице мы шли через лес. Светка то расспрашивала меня об Эванжелине, то рассказывала о своей неземной любви к Олегу Васильевичу. Как у нее в горле не пересыхает от постоянной болтовни?

Нас, как герцогинь, встречал сам владелец гостиницы. Очевидно, и здесь у Дроздовцева все было крепко схвачено. Владельца звали Борей, он был ниже меня ростом, круглый, с хохлятскими усами до подбородка, в солнцезащитных очках, яркой рубашке тропической раскраски, шортах до колен. Он подхватил наши сумки. Светка спросила, кто уже приехал.

– Вячеслав Петрович, Вадим, Олег Васильевич с женой-с...

Светка превратилась в соляной столб, я думала, ее хватит удар. Мало того, что приехал Тупольский. Олег ухитрился захватить с собой жену.

Гостиница была небольшая, новая, отстроенная в стиле английского замка XV века: она имела внутренний двор, и по периметру второго этажа шел балкон. Из окна моей комнаты виднелся корт, обнесенный сеткой с одной стороны и бетонной стеной – с другой. За деревьями мелькали фигуры в белых майках, слышались хлопки мяча и короткие возгласы. Я переоделась, достала ракетку и отправилась туда.

На корте играли Олег Васильевич и Вадим. Сбоку на скамейке сидела женщина лет тридцати пяти-шести, со светлыми волосами и темными бровями. На личном фронте, как и в коммерции, Олег тоже преуспел – его жена действительно была красива, как ее и описывали. Я

поздоровалась и села рядом. Олег, увидев меня, пропустил мяч, а Вадим поприветствовал громким боевым кличем.

Мы вертели головами синхронно вправо-влево, следя за мячом. Надо познакомиться с красоткой.

– Татьяна.

– А меня – Марина.

Рот у нее просто великолепный. Наверное, тюбика помады ей хватает только на три дня. А глаза синие и трагические – словно она три дня приклеивала бээфом кафель в ванной, а на четвертый день все отвалилось.

– Когда вы устроились в «Интерком» и муж рассказал мне о вас, я спросила его – а не та ли это Татьяна Максимова, статьи которой можно прочитать в «Столице», в газетах. Но Олег из газет вылавливает только биржевые новости и курс валют, он, представьте себе, даже не знал, что вы – это вы. А мне давно хотелось познакомиться с вами. Вы так интересно пишете, не скучно и без излишнего морализаторства.

Я зарделась. Оказывается, народ меня все еще помнит. Да, рано, непозволительно рано поставила я крест на журналистике. Надо снова начать писать, надо радовать людей своим творчеством.

Мы с Мариной составили партию. Она играла неплохо, но продула всухую. Теннис – моя неугасающая любовь с одиннадцатилетнего возраста. На стадионе с такими же фанатами, как я, мы могли перебрасывать мяч без перерыва целую рабочую смену. Но теннис – это сейчас модно и престижно, в него играют президенты, и народ в последнее время устремился на корты. Настоящим профессионалам не протолкнуться, все оккупировано. Марина играла как механическая кукла, технично, но абсолютно равнодушно.

Потом я сыграла с Вадимом. Легкий и стремительный, он носился по площадке словно молния, брал безнадежные мячи, обстреливал меня дьявольскими топ-спинами. У него оказался зверский удар слева двумя руками и пушечная подача – мяч, вращаясь, со свистом пролетал в двух миллиметрах над сеткой, впечатывался точно в квадрат и отскакивал вправо. Мою рубашку можно было выжимать, но все-таки, когда к вечеру мы покинули корт, судьба матча так и не была решена.

Несчастливая Светка рассчитывала провести рядом с обожаемым Олегом целых три дня, а он, бесчувственный пылесос, притащил с собой жену. Марина, кстати, не караулила мужа, как делают некоторые жены, завидев в окружении супруга симпатичную мордашку. На Светкино кокетство и откровенное заигрывание с Олегом она никак не реагировала и с мужем, похоже, почти не разговаривала.

После ужина мы с Мариной под влиянием спонтанно возникшей взаимной симпатии решили прогуляться в лесу.

– Лето как в Италии, – говорила она, пока мы шли по песчаной дорожке между елей и берез. – Тишина, солнце и необыкновенно прозрачный воздух.

– Вы были в Италии?

– Мы прожили там полгода. Удивительная страна. С одной стороны – древние развалины, которые напоминают о вечности мира и кратковременности нашего пребывания в нем. Казалось бы, и люди там должны быть постоянно погружены в себя, размышляя о вечности. А с другой стороны – жуткая итальянская экспансивность, суэта... Смеются, рыдают, женщины безостановочно тарыхтят скороговоркой... Один раз мы стали свидетелями уличной перестрелки. Да, очень интересная страна. «La pianta uomo nasce piu robusta in Italia che in qualunque altra terra e che gli stessi atroci delitti che vi si commenttono ne sono prova»³.

³ «Лоза человеческая рождается в Италии более мощной, чем где бы то ни было, и это доказывают даже те преступления,

Марина не преминула блеснуть своими познаниями в итальянском, но я, конечно же, не дала ей возможности насладиться триумфом.

– Альфьери, – кивнула я с видом знатока. – Занятная мысль.

Марина удивленно приподняла бровь. Она не ожидала от меня такой резвости.

– Как вы считаете, Таня, если действительно масштабность или жестокость преступлений принимать за показатель потенциала нации, то получается, у нас в России должны рождаться сплошные богатыри?

– Но ведь действительно, если отсеять психов, маньяков и мелкую шушеру, чтобы совершить преступление и сознательно поставить себя вне закона, надо быть сильной личностью.

– Ну, это по Достоевскому. А я думаю, что все наши мафиози только снаружи гладкие и крепкие, а внутри они пусты, словно грецкий орех, насквозь выеденный червями. Труха.

– Ну, не знаю, мне как-то не приходилось сталкиваться с крупными мафиози лицом к лицу.

Марина бросила в мою сторону быстрый сумрачный и непонятный взгляд.

Мы остановились. За деревьями слышались приглушенные голоса Олега и, кажется, Бориса. Они спорили.

– Ты думаешь, это так просто гонять туда-сюда технику...

– Слушай, Боря, а когда мы составляли контракт, чем ты думал?

– А ты как будто вчера родился и не знаешь, что...

– Впредь будешь умнее.

– Ну и сволочь же ты, Олег, я-то тебе...

Марина вцепилась в мою руку и горячо зашептала:

– Пойдемте, пойдемте отсюда скорее!

Проклятье! Никогда не удастся спокойно подслушать – вечно кто-нибудь помешает. Так хотелось притаиться в кустах и узнать, в чем причина конфликта между нашим красавцем президентом и жирным собственником отеля. Подслушивать, конечно, нехорошо, но я не так уж часто этим занимаюсь. К сожалению, Марина тащила меня от кустов с настойчивостью и силой новенького бульдозера. Пришлось подчиниться. На следующий день произошло весьма неприятное событие, одно из тех, которые долго потом вспоминаются с ощущением неловкости.

С утра все мы, как благонравное семейство, отирались на корте. У многих сотрудников «Интеркома» в августе был отпуск, поэтому больше никто не приехал. ВэПэ сидел на скамейке с книгой и жестянкой сока, Борис муштровал персонал гостиницы, Олег вяло перебрасывался мячом с молчаливой Мариной, Вадим показывал Светке, как правильно держать ракетку. Светка почему-то казалась зареванной, но когда я попыталась выяснить, почему она такая опухшая, она разъярилась: Тупольский запарил с самообразованием, Олег – гадкое земноводное, Вадим – нудный инфантил, Марина – старая вешалка, Борис – пресмыкающийся червь, жизнь ужасна, хочется уснуть и никогда не просыпаться. Я подумала: а кто же тогда я в Светкином восприятии?

Внешне все выглядело мило и благопристойно, но в воздухе постепенно конденсировалось напряжение. Светка не слушала Вадима, который, уже нервничая, в пятый раз объяснял ей, что мячик – не муха, а ракетка – не мухобойка, и метала злые взгляды в сторону Олега. Олег на ее сокрушительные залпы совершенно не реагировал и уделял все внимание мраморно-холодной Марине. И даже суровый ВэПэ, который обычно старался глушить эмоции в собственной бороде, был сегодня насуплен и активно недоброжелателен. Что-то или уже произошло, или должно было произойти.

За обедом недосказанность и непонятное мне всеобщее раздражение реализовалось в шампанском, вылитом Дроздовцевым на Вячеслава Петровича.

Вот как это произошло. Мы попробовали салат из омаров и ростбиф с овощами. Мужчины выпили, и настроение у народа немного поднялось. Повеселевший Олег решил произнести тост. Он принес из своей комнаты бутылку «Вдовы Клико» (сто пятнадцать долларов!). Подняв бокал, Олег сказал, что дела у фирмы идут прекрасно, масса новых предложений, коллектив подобрался хороший, а поэтому давайте, друзья, выпьем за наше процветание, присутствующих женщин, дружбу и любовь. В общем, свалил все в одну кучу, но это понятно – бутылка-то была одна. И мы уже почти пригубили искристую «вдовушку», как ВэПэ внезапно неприятно проскрипел:

– О какой любви ты говоришь? О ночном исследовании чужих постелей?

Мы замерли, я от неожиданности чуть не выбила себе хрустальным фужером два коренных зуба. Народ затих и напрягся. Света судорожно всхлипнула, а Марина нервно передернулась.

Олег оценивающе посмотрел на свой фужер, неторопливо и как-то заторможенно протянул руку в сторону Тупольского, и шампанское плавно переместилось на бороду Вячеслава Петровича. У Олега был такой вид, словно он наблюдал за сценой со стороны и ему было очень интересно – а что из всего этого выйдет?

Если после слов ВэПэ мы замерли, то после вышеописанного демарша превратились в каменных истуканов. Да, в таких случаях лучше не двигаться, а то тоже получишь по морде ни за что ни про что.

Тупольский вытер салфеткой лицо, спокойно встал и вышел из столовой. Я подумала: а что бы я сделала на его месте? Наверное, схватила бы торт, стоящий в центре стола, и залепила его Олегу в физиономию. Он был бы очень живописен в розочках из крема на ушах.

Обед был непоправимо испорчен, оставшийся день – тоже.

После обеда я поймала Свету и попыталась встряхнуть из нее, что же случилось этой ночью.

– Ой, ну хоть ты-то от меня отстань! – истерично закричала она, отбиваясь от меня острыми локтями и коленками. Как будто я агрессор какой-то. Подумаешь!

Все сидели по комнатам и не высовывались, потому что было стыдно смотреть друг другу в глаза. Только Олег до самого вечера методично расстреливал теннисным мячом бетонную стену. Я наблюдала за ним из окна и думала – что это за человек? Что у него внутри? И еще одна мысль притаилась у меня в голове, а вернее, в сердце. Вдруг, пока меня не было, вернулся Серж, и теперь сидит в квартире с Антрекотом, отравленным Эванжелиной, и ждет свою дорогую девочку, то есть меня, Танечку?

Если шампанское, вылитое на ВэПэ, я назвала неприятностью, то событие, случившееся на другой день, было просто катастрофой.

Во время воскресного завтрака отсутствовали Олег и Вадим. Странное сочетание, подумали мы. Олегу, положим, совесть не позволяет показываться нам на глаза, но почему скрывается Вадим?

Через полчаса, однако, выяснилось, что наш неугомонный шеф приготовил сюрприз похуже субботнего. После завтрака, когда я уселась в кресло и решила немного поразмышлять о том, как вернуться в Москву и возьмусь за ум: раскопаю сенсацию и напечатаю в газете классный материал, со стороны корта раздался жуткий визг.

Оказалось, Светлана пришла на корт поупражняться, мячик перелетел через стену, она отправилась его искать, но нашла кое-что покрупнее и потяжелее теннисного мячика. За бетонной стеной на дорожке, уходящей в лес, лежал лицом вниз Олег Васильевич. Его затылок и воротник спортивного костюма были залиты уже спекшейся кровью. На Олеге не было кроссовок, и из-под ярких черно-фиолетовых штанин выглядывали ослепительно белые носки.

Постояльцы гостиницы и ее персонал сбегались на Светкин звуковой сигнал со стремительностью бизоньего стада. Светлана билась в истерике. Как первооткрывательница трупы она

считала своим долгом между всхлипываниями посвящать окружающих в подробности инцидента:

– Я играла... Мячик улетел... Я пошла его искать...

– Ничего себе мячик, – сказал кто-то из поваров, – он что, у тебя как кирпич весит?

– Да не-е-т, – заметила горничная, – кирпич – вот он.

Действительно, недалеко от Олега валялся кирпич. Горничная устремилась к нему.

– Не трогайте! – зло крикнул на нее Тупольский. – Не трогайте ничего руками.

Я посмотрела на Марину. Она была бледна, но, как всегда, спокойна. Даже чересчур спокойна. Она смотрела на труп своего мужа с хладнокровием патологоанатома. Меня передернуло. Если бы такое произошло с кем-то из моих близких, я бы сейчас, наверное, каталась в истерике, как Светка. Марина переводила взгляд с головы Олега на кирпич и обратно, как бы пытаясь мысленно совместить их и представить картину в динамике.

– Надо вызвать милицию, – сказал Тупольский, повернулся и ушел в гостиницу. Я отошла в сторону Бориса:

– Вы сегодня с утра не видели Вадима?

– Нет.

– Тогда, может, нам следует пошарить по кустам, вдруг и он где-то недалеко лежит?

– Боже мой, Боже мой, что вы такое говорите?! – запричитал Борис. – Какое несчастье, какое несчастье...

«Ладно, толстый, успокойся, – подумала я. – Сам небось кирпичиком и стукнул. Куда же делся Вадим?»

ВЭПэ вернулся и поволок в гостиницу рыдающую Светку. Персонал еще немного потоптался вокруг трупа, разглядывая его с ужасом и любопытством.

Вскоре подъехала милиция, еще через некоторое время – следователь, или как их там называют... В общем, Алексей Степанович, невзрачный узкоплечий мужчина с большим носом, большими губами и большими ушами. Все правильно, сыщику просто необходимы хорошо развитые органы чувств. В столовой он задавал нам вопросы. Постепенно дошла очередь и до меня.

– Татьяна Максимова? А вы к журналистике не имеете отношения?

– Имею.

– Как же вы попали в эту компанию?

– Я полтора месяца проработала в фирме, президент которой сейчас соизволит лежать на дорожке с разнесенным черепом.

– Вы что, там кросс сдавали?

– Где?

– На этой дорожке. Натоптано так, словно промчалось стадо мамонтов.

– Бизонов, – поправила я его. – Когда вся толпа прибежала смотреть на Олега Васильевича, я подумала: несутся, как стадо бизонов.

Или это я настолько трафаретно мыслю, или просто у следователя выстраиваются такие же ассоциативные ряды, как и у меня.

– Не могли бы вы рассказать мне, какие отношения установились между сотрудниками вашего заведения?

– Отличные. Конфликты бывают тогда, когда восьмая часть коллектива работает, а семь восьмых – пускают пузыри в трубочку. У нас работал один лишь Вячеслав Петрович Тупольский, вице-президент. Мы ему это прощали как милую слабость приятного человека. Все остальные очень мирно сосуществовали.

– Татьяна, вы знаете, как это бывает, где-то возникает конфликт, вас как журналиста приглашают в качестве третейского судьи. Вы еще никого не знаете из конфликтующих сто-

рон, но каждый старается склонить вас на свою сторону, излагая факты в удобной для себя интерпретации.

– Совершенно верно. И много труда уходит на стряхивание лапши с ушей.

– Вот-вот. Я сейчас точно в такой же ситуации. Каждый из ваших коллег говорит лишь ту часть правды, которую считает нужной. Вы не поможете мне составить целостную картину?

Классно, меня еще ни разу не вербовали в добровольные помощники органов.

– Алексей Степанович, а у вас не возникает подозрения, что это я трудоустроила кирпич на затылке нашего президента?

– Пока нет. Да, кстати, мне говорили, что из вашей компании кто-то исчез?

– Да, наш программист Вадим. А еще кроссовки Олега.

– Вам хорошо платили?

– Отлично. Если вы думаете, что Вадим стукнул Олега кирпичом, потому что ему приглянулись его кроссовки, то вы ошибаетесь. Во-первых, Вадим нежное и утонченное создание (тут я некстати вспомнила его зверскую подачу)... э-э... мне кажется, он на такое не способен. Во-вторых, неужели владелец нового «опеля» станет охотиться за чужими кроссовками?

– А может, у него в подошве был тайник? Впрочем, ясно. Спасибо. Надеюсь, вы и в дальнейшем будете оказывать мне содействие.

Надейся, дружок. А у меня свои планы на жизнь.

Дома меня встретили соскучившийся Антрекот и тишина. Следов возвращения любимого мужчины я не обнаружила. Антрекот выгибал спину, пытался взобраться на меня с поцелуями и однозначно подмигивал в сторону холодильника. Я достала ему кильку – пусть хоть у кого-то будет праздник. И пошла звонить Эванжелине.

Она отвечала сонным голосом – спала, крыска, пока у меня тут такие события.

– Эванжелина, моего шефа уколошили, – выложила я сразу, не редактируя, не делая поправок на детскую эмоциональность и восприимчивость подруги.

– Где же ты теперь будешь работать? – сонно промяукала Эванжелина. Она, по-видимому, так и спала прямо на телефонной трубке.

– Ты, пожалуйста, просыпайся. Приходи, я все тебе расскажу.

– Ой, тут так хорошо, и вставать неохота. Он сильно пострадал, твой шеф?

– Не знаю. Кажется, у него испорчен только затылок. Но он ему больше не пригодится.

– Как же он будет теперь без затылка?

– Эванжелина, он же *умер*!

– Как умер? – с ужасом выдохнула анабиозница. Наконец-то она проснулась.

Мне пришлось начинать все сначала:

– Его убили. Представляешь, просыпаемся, идем на корт, а он там лежит. С разбитой головой и в белых носках. Видно, решил пробежаться, а его кирпичом и пристукнули.

– А он у вас что, всегда по утрам бежит в белых носках?

– Нет. Кроссовки, наверное, украли. Может быть, его и стукнули-то ради того, чтобы снять кроссовки. Они знаешь сколько сейчас стоят! Ладно, приходи завтра, нам есть о чем поговорить!

– Как это ужасно! Сняли кроссовки... – Эванжелина в конце концов осознала глубину трагедии. – А тут вот Катя просит сходить с ней на американскую выставку. Идти?

(Нет, не осознала.)

– Иди, ты-то здесь ни при чем, тебя теперь в прокуратуру на допросы по десять раз в сутки вызывать не будут...

В понедельник новость разнеслась по конторе. Все бегали, галдели, выдвигали версии, спрашивали друг у друга, закроется ли фирма. Об Олеге сожалели, но, подозреваю, в основном

как об утраченном источнике безбедного существования. В его кабинете рассматривал бумаги следователь. После обеда я решила, что больше мне в офисе делать нечего.

Один лишь друг, кроме равнодушной Эванжелины, остался у меня – Антрекот. Теперь только он будет скрашивать мои одинокие будни.

Часов в семь вечера в дверь позвонили. Это оказалась Светка. Она сгилась под тяжестью большого чемодана.

– Я у тебя переночую, а завтра поеду к сестре в Тверь, – сообщила она.

– Да, в молодости я тоже любила путешествовать. Проходи. Это Антрекот. Это Света.

Светка бросила сумку на пол в прихожей и конечно же придавила хвост Антрекоту. Настроение у нее было такое же мерзкое, как и у меня.

– Шнурки изгнали за утрату девственности, – мрачно проинформировала она меня, когда мы сидели на кухне и пили чай с двумя последними конфетами. – Какая зашоренность, какой консерватизм и узость взглядов. Рудименты!

Я поперхнулась. Кажется, благодаря усилиям ВэПэ Светка основательно пополнила свой словарный запас.

– Кто же тот счастливчик, Света?

Теперь поперхнулась Светка. Так вот и будем с ней пускать фонтаном чай и по очереди кашлять, а Антрекот будет смотреть на нас, как на ненормальных.

– Таня, ты или наивная, как незабудка, или у тебя торможение в черепной коробке. Ты что, честно не знаешь?

Как все-таки вульгарна, невоспитанна сегодняшняя молодежь! Я в ее годы никогда не разговаривала со старшими в таком тоне.

– Света, я знаю, что предметом твоих воздыханий последние полтора месяца был Олег Васильевич. Но с кем ты спишь – это твое личное дело.

– Понятно. Антрекотушка, маленький, иди сюда, я тебя поглажу.

– Не хочешь – не говори. Но зачем интриговать? – обиделась я. – Налить еще чаю?

И тут Светка начала рыдать. Из ее всхлипываний и горьких стенаний я уяснила, что в ночь с субботы на воскресенье Олег Васильевич, слегка подшофе, пришел к ней в номер, и она ему конечно же открыла. А он воспользовался ее детской доверчивостью и коварно трахнул, предусмотрительно слегка придушив подушкой, чтобы не брыкалась. Вот это да! Честно говоря, мне и в голову не приходило, что Олег, при наличии жены за стеной, жены, которую, как все утверждали, он очень любил, мог совершить такую гнусность. А Светка, чьи представления о сексе были диаметрально противоположными, – легкий ветерок из окна, розы на столе, нежные объятия и прочая ерунда, высмотренная в кинотеатрах, – никак не могла прийти в себя.

Ох, не люблю, когда моего кота используют в качестве носового платка! Я отобрала у Светы Антрекота и обняла за плечи несчастного ребенка.

– Ну, не плачь, бедная. Видишь, за тебя кто-то отомстил.

– Меня из дому выгнали... Не верят... Говорят, сама напросилась... Ы-ы-ы-ы... Они теперь вспоминают всех моих знакомых мальчиков, начиная с детского сада, и говорят, что я со всеми спала... Это неправда!..

Возможно, это действительно неправда. Но, честно говоря, как-то не верится, что Олег Васильевич был пионером в этой области.

– Света, а хочешь, я поговорю с твоими родителями? Давай адрес, я съезжу и поговорю.

Светка втянула в себя воздух:

– Думаешь, поможет?

– Давай. Если я их уломаю, ты завтра поедешь от меня домой. Только не реви на кота, он промокнет и заболеет ангиной.

Вот такая у меня судьба – успокаивать рыдающих и улаживать чужие конфликты. Кто бы мне помог! И поехала я через всю Москву на другой конец города.

Родителей, надо сказать, я уломала в два счета. Впрочем, они и сами уже были достаточно перепуганы исчезновением дочери. Я нарисовала перед ними мрачную картину поголовной развращенности, на фоне которой Света представлялась чистым ангелом, непорочной Девой Марией. Она, конечно, тоже была виновата, но кто же знал, что на невинную стрельбу глазами Олег ответит залпом тяжелой артиллерии? Каким же мерзким типом он оказался!

В конце концов родители прослезились, схватили меня, мотор и поехали за своим разтерзанным чадом. Антрекот с молчаливым удивлением снова наблюдал коллективные рыдания – встреча на Эльбе происходила в моей прихожей. Все простили всех. Светлану приласкали и реабилитировали как почти невинно пострадавшую. Напоследок я шепотом спросила у нее:

– А кирпичом, случайно, не ты заехала?

– Не-а, – ответила Света. – Мысль была, но реализовать ее я не успела.

Пропавший Вадим не появился в конторе и во вторник. Зато мне позвонил старый знакомый, Николай Долгачев, с которым мы не виделись лет сто, и предложил встретиться.

Долгачев сделал себе имя на скандалах и шокирующем стиле письма. Там, где раньше печатались точки, теперь у нас пишут полное слово, а такими словами Долгачев густо унавоживал свои статьи. Я признавала его уникальную способность выкапывать из-под земли головокругительные факты. Но зачем же через каждые три строчки употреблять слово, характеризующее естественные физиологические процессы, я не понимала. В общении он был довольно неприятен – развязен и высокомерен. Мы встретились с ним в кафе «У Вероники». Он ждал меня за столиком, на котором уже стояли кофе и два высоких бокала с коктейлем.

– Привет, мартышка, ты все такая же тощая!

Ну зачем я согласилась встретиться с этим типом?

– Не будем тянуть, а сразу приступим к делу. Я предлагаю тебе обмен. Ты мне досье на Олега Васильевича Дроздовцева, я тебе полтысячи баксов наличными.

Моя вытянувшаяся физиономия побудила его скорректировать сумму.

– Мало? Ну, я всегда удивлялся, как Серж живет с такой умной бабой? Женщина должна быть кроткой, покорной и глупой. Шестьсот.

Я молча смотрела на него.

– Киса, я преклоняюсь, я целую твою коленку. Неужели дело тянет на тысячу? Что ты там накопала?

Наконец я открыла рот:

– Что ты торгуешься? У меня ничего нет.

– Ладно заливать. Зачем же ты тогда месяц торчала в его конторе?

Да, видимо, последнее время я занималась не тем, чего ожидала от меня прогрессивная общественность города. Оказывается, надо было рыть под Дроздовцева, а я валяла дурака и страдала по утраченному возлюбленному.

Тут уж настал черед Долгачева увеличивать горизонтальные пропорции своей физиономии. Лицо его вытянулось, и челюсть буквально свалилась в коктейль.

– Девочка, да ты меня, наверное, не за того принимаешь. Да вся московская пишущая братия об этом только и говорит: Таня Максимова внедрилась в «Интерком», ждите сенсации.

– Откуда там сенсация, фирма как фирма, – слищемерила я.

– Не разыгрывай. Олег Дроздовцев пусть не первая фигура отечественной мафии, но кое-что собой представляет. Подробности ожидаю услышать от тебя. Давай, старушка, оправдывай мои надежды.

Как и в случае со Светой, я, очевидно, оказалась единственной непосвященной. Народ ждал разоблачений, а у меня в записной книжке так же пусто, как у кенгуру в сумке после женитьбы кенгуренка. Конечно, я помнила про дискету, записанную в кабинете Олега, но пока еще не знала, как ее можно будет использовать, – как это ни грустно признать, но в происшествии с

дискетой я лишь подтвердила свои воровские наклонности, а отнюдь не профессионализм в области журналистики.

– Николай, все, что я там нашла, это мое.

– Знаешь, ты всегда была несговорчивой, а сейчас, когда от тебя ушел Сергей, вообще стала похожа на гремучую змею, – злобно проговорил Долгачев.

Знает, гад, куда бить. Я встала и пошла к выходу. На сцене в полумраке интересная блондинка пела песенку Мэрилин Монро «I wanna be loved by you, just you...», ей грустно подпевал саксофон.

В метро я обнаружила, что вся моя тушь давно уже переместилась с ресниц на подбородок. Я украдкой достала косметичку и стала растирать лицо носовым платком. Какая же я дура – сенсация ушла у меня из-под носа. Я целый месяц ничего не делала, ходила в казино, тратила доллары, вместо того чтобы узнать, откуда они берутся. Я размышляла о загадочном характере Олега Дроздовцева, вместо того чтобы собирать на него компромат. Если я не замечаю очевидного, значит, я исчерпала себя как журналистка.

Когда до дому уже оставалось пройти двести метров, около меня затормозил серебристо-синий автомобиль. За рулем «вольво» сидела тщательно причесанная и накрашенная Марина в легком шелковом костюме небесно-голубого цвета. «Вот, – подумала я, – пример философского отношения к жизни. Меня всего лишь оставил любимый мужчина, и я всего лишь удостоверилась в собственной профнепригодности. У нее убили мужа, и этого уже не исправишь. Однако я – как ошипанный и приготовленный к варке попугай, а она – сияющая Афродита за рулем собственного автомобиля». Мне показалось, что с уходом мужа из Мариных глаз испарились грусть и тоска.

– Таня, можно я вас подвезу?

Я уселась на переднее сиденье. В машине работал кондиционер, а кресла были обтянуты темно-вишневыми велюровыми чехлами. Комфорт. А тут скачешь, как лошадь, по неровному асфальту и тридцатиградусной жаре, набойки вдребезги, косметика плывет, волосы прилипают ко лбу...

– Таня, у вас что-то случилось?

– Да... В Гватемале чудовищное наводнение. Есть жертвы.

– Да, это грустно, – понимающе кивнула Марина.

А все-таки я бессердечная ступка для растирания миндаля. У человека несчастье, а я заливаю какую-то ерунду.

– Извините, Марина, мне сейчас плохо. Хотя вам, наверное, еще хуже?

– Нет, – легко улыбнулась Марина. – Все, что было плохого в моей жизни, ушло вместе с Олегом. Если бы вы знали, что это был за человек, вы бы меня поняли. Мне уже тридцать восемь лет. Десять из них я потратила на то, чтобы от слепого обожания перейти к скрытой ненависти. Он мучил меня, но не отпускал. А теперь я свободна. Олег получил по заслугам.

Я мысленно присвистнула. Девушка была весьма откровенна. Впрочем, у богатых свои причуды. Они могут позволить себе даже откровенность с почти незнакомым человеком.

– Вот ваш дом, – сказала Марина.

Интересно, откуда она знает, где я живу?

Когда я выбиралась из прохладного салона на горячий асфальт двора, Марина придержала меня за плечо.

– А все-таки это очень странно, – сказала она тихо, и глаза у нее были как у рыси. – Он воровал миллионами, а умер потому, что какому-то бродяге приглянулись его кроссовки...

Эванжелина, Эванжелина, мне так надо с тобой поговорить, а ты шарахаешься по американским выставкам. Конечно, единственный ребенок требует внимания и его надо воспитывать (хотя еще не известно, кто кого воспитывает), но я ведь у тебя тоже одна-единственная!

В среду по повестке я явилась в прокуратуру.

Алексей Степанович принял меня в кабинете, напомнившем редакцию, – точно так же здесь стоял запах нежилого помещения, в углах были свалены папки с завязками, разбухшие от бумаг, старая мебель и обшарпанные оконные рамы довершали картину запущенности.

– Слушайте, Татьяна, что я вам расскажу.

Алексей Степанович смотрел не на меня, а в окно. А я сидела у стола на деревянном допотопном стуле с дерматиновой обивкой.

– Представьте себе девушку, которая живет в подмосковной провинции, работает в заштатной конторе и получает мизерную зарплату. Ей очень хочется красивой жизни, шмоток, которые висят в валютных магазинах, и круизов по Средиземному морю. Еще больше она хочет замуж за американского миллионера. Однажды девушка знакомится с человеком, который предлагает ей поехать в Германию, Америку, Грецию или еще в какую-нибудь страну по частному приглашению, там получить фальшивый паспорт, разрешение на работу и, пожив за рубежом с полгода, выучив язык, накопив денег, вернуться обратно или не вернуться. Девушка благодарит Бога, что он так круто изменил ее скучную жизнь. В Америке она получает паспорт, но начинает работать не манекенщицей, или гувернанткой, или горничной в гостинице, а исполнительницей стриптиза в ночном баре и проституткой, потому что ее буквально продают в рабство.

Мечтательных девушек отправляют за границу партиями, а доход от этого бизнеса поступает в маленькую респектабельную фирму, сотрудники которой получают зарплату не только рублями, но и в твердой валюте. Размах дела поражает. Все продумано и неоднократно прорепетировано, начиная с вербовки русских дураков, выдачи виз и покупки авиабилетов, заканчивая наймом заграничных головорезов для охраны и запугивания девушек за границей. Кроме того, в окрестностях Москвы исправно функционируют несколько съемочных павильонов, где поточным методом штампуются порнографические фильмы. Их герои – в основном дети. Один из таких павильонов находился в гостинице «Подмосковье», где вы проводили уик-энды. Ее владелец уже арестован за причастность к изготовлению порнографии, но срок ему светит совсем небольшой, скорее всего, он вообще отвертится. А основной направляющей силой, идейным и координирующим центром всего этого являлся ваш бывший начальник Олег Дроздовцев. Большая часть доходов, конечно, поступала к нему, но я думаю, что его в основном интересовали не доходы, а сам процесс. Мы покопались в его компьютере, и нам удалось кое-что оттуда извлечь. К сожалению, в сети попадается мелкая рыбешка, наподобие владельца гостиницы «Подмосковье»...

– Я ничего не знала, – промямлила я сокрушенно. – А пару-тройку красавиц, которые все же смогли вернуться на родину из рабства, вы не нашли?

– Нашли.

– А можно будет поговорить с теми, кто производил порнуху?

– С теми, чью явную причастность мы сумеем доказать, – пожалуйста, попытайтесь. Хотя они вряд ли захотят с вами беседовать.

– Алексей Степаныч, – осенило меня внезапно, – да вам же теперь орден пожалуют!

– Вы неудачно выбрали момент и место для шуток, – холодно отреагировал следователь. – А чтобы ваша статья получилась более убедительной и эмоциональной, вы ведь решили обо всем этом написать, не так ли, я могу предоставить в ваше распоряжение видеокассету, демонстрирующую, как тридцатилетние верзилы совокупаются с почти младенцами. А вы не интересовались, откуда бралась ваша зарплата, если никто в фирме, как вы сами мне сказали, ничего не делал? Ваша контора служила простым прикрытием для отмывания денег. Эти долларовые премии должны были жечь вам руки, потому что они были заработаны глупыми девчонками, подобранными на вокзалах, или бестолковыми девицами, которых отправляли на

Запад как партии дешевого товара. Но вы все кормились и предпочитали не задавать вопросов. Вы хоть понимаете, в какой грязи оказались? Да если бы...

– Хватит! – заорала я. На столе лежала увесистая коричневая папка, я в ярости грохнула ею. Получилось громко и эффектно. – Алексей Степаныч, я не девочка для выслушивания нотаций. Я проработала в «Интеркоме» месяц с небольшим, и зарплату, которой вы так меня стыдите, получила один раз. У меня возникали подозрения, но как я могла их проверить?

– Хорошо, не буду, – просто согласился Степаныч. Видно, мужик он все-таки неплохой.

– Но кто же убил Олега Дроздовцева?

Следователь кивнул на шкаф, где громоздилась башня из толстых папок.

– Видите? Это все на мне. Двадцать три дела – текучка, мелочевка. Поножовщина, драки. Мне бы сейчас вплотную заняться этими мафиози, а приходится и весь остальной воз тянуть. Кто убил Дроздовцева? Улик никаких. Это мог сделать любой бомж, случайно проходивший мимо вашей гостиницы, которому понравились его кроссовки. Это мог сделать и один из вас рано утром, когда Олег отправился на зарядку. Или кто-то из его мафиозных друзей, которому он чем-то не угодил. Или ваш красавчик Вадим – ведь мы его до сих пор не нашли. А может быть, Вадим и сам где-то валяется с перерезанным горлом. И так далее. С кирпича отпечатков пальцев не снимешь, свидетелей нет, остается только гадать...

Да, в пренеприятнейшую историю я попала. Подумать только, Танечка Максимова, звезда отечественной журналистики, своими изящными ручками помогала отмывать порнографические рубли. Прачка недоразвитая. «Ну и напишу же я статью, никто не спасется, – кровожадно думала я, возвращаясь домой. – Или отдать дискету с фамилиями Степанычу? А как же я тогда оправдаю свое месячное пребывание в мафиозной структуре?»

Прошла всего неделя с тех пор, как ушел Сергей, а мне казалось, что целая вечность прогремела мимо.

В подъезде около моей двери сидел прямо на ступеньках худой, заросший щетиной Вадим.

К груди Вадим прижимал газетный сверток. Боже, ну почему все идут ко мне?

– Таня, я не ел три дня.

– Же не манш па сис жур. Заходи, беглец.

После того как Вадим, тихо смущаясь, съел все, что было у меня на плите и в холодильнике, я небрежно спросила:

– В свертке – кроссовки?

Он кивнул.

– Так это ты убил Олега?! – не поверила я.

– Таня, я его не убивал, – хмуро ответил Вадим. – Ну, я не знаю, зачем я снял с него эти проклятые кроссовки, то есть... я, конечно, могу объяснить... хотя я и сам... я и сам не совсем разобрался... Таня, я не хочу, чтобы на меня повесили это убийство! Я не убивал его!

– Вадя, да не волнуйся ты так. Я ни за что бы не поверила, если бы ты начал утверждать обратное.

Вадим сидел, опустив глаза.

– Знаешь, я любил Олега.

– Ну да, если глубоко не копать, то внешне он был очень неплохой парень.

– Нет, я не про это... Я любил его... ну... как мужчину.

Я дернулась на своей табуретке. Антрекот, мирно задремавший на моих коленях, врезался головой в стол. Боже мой, если сейчас окажется, что, кроме Светки, Олег изнасиловал еще и Вадима, я не переживу. Такого я еще не встречала, хотя и прожила всю жизнь в столице, и телевизор смотрела регулярно, газеты иногда читала, но чтобы вот так, лицом к лицу...

Вадим, почувствовав, как я вся подобралась, предупредил мой вопрос:

– Он не знал этого.

– Так. Все. Вставай... Пойдем в гостиную, сядем на диван. А то я не смогу потом отскрести кота от крышки стола.

Далее все происходило по обычному сценарию. Как всегда это бывает, мне поведали о пережитых страданиях.

– Мне больше некуда было идти. Я всю жизнь в подполье, у меня нет ни друзей, ни знакомых. Один раз ко мне прицепился мужик, они, наверное, таких ущербных, как я, издалека чувствуют. Он мне сказал – давай будешь жить со мной, с такой внешностью смешно жаловаться на судьбу, если хочешь, я тебе еще и платить буду... Но ведь это все грязно и мерзко! За два года работы в «Интеркоме» я совершенно измучился. Я думал – ну что мне остается? Только выпрыгнуть из окна. Но на это у меня не хватит смелости. Как, впрочем, и на то, чтобы объявить всем, кто я такой. Когда в воскресенье утром я нашел мертвого Олега, я совсем сошел с ума. Не соображая, что делаю, я стащил с него кроссовки, прижал их к груди и убежал в лес. Потом до меня дошло, что теперь это убийство запросто повесят на меня. Три дня скрывался в трущобах.

Вадим уже размазывал слезы по щекам. Он привалился к моему плечу и зарыдал. Кажется, у меня появилась новая подруга.

– Что же делать мне теперь?

Я представила, как Вадим проливал в лесу слезы над американскими кроссовками Олега, словно несчастный любовник над засушенной фиалкой, и мне стало его жаль.

– Вадик, надо идти к следователю и все рассказать. Он неплохой человек.

– Но тогда придется объявить всем, кто я и что я?

– Давай скажем, что последние недели у тебя были материальные затруднения, ты проиграл все в рулетку и надо было кому-то срочно отдать долг. Ну, ты, не раздумывая, схватил кроссовки, не пропадать же добру, а лишь потом въехал, что это чистой воды идиотизм. (Какую же чушь я несу.)

– Но в это никто не поверит!

– А вдруг поверят? Знаешь, как я поняла, они сейчас сосредоточились не на том, чтобы найти убийцу, а чтобы засадить за решетку как можно большее количество соратников Олега. Он ведь у нас оказался крупным воротилой. Ты знал об этом?

– Нет.

– Слушай, а что ты так переживаешь? Многие сейчас даже с гордостью заявляют, что они... ну... голубые. Вот, например, Пенкин – так это же прелесть, а не гомик! Ой, извини...

На слове «гомик» Вадик совсем сник. В глазах у него читалось отчаяние, сравнимое лишь с ре-бекаром в пятьдесят втором такте «Лунной сонаты».

– Вадим, ну давай вообще уничтожим кроссовки. Изрежем и сожжем. Пойдем к следователю. Ты скажешь, что пару дней назад поссорился с Олегом, а когда его увидел, то решил, что ваша ссора всплывет, и испугался. Поэтому и сбежал. Следователь мне сказал, что улики нет никаких.

– Это точно?

Откуда же я знаю? Возможно, Степаныч и утаил что-то, как новобрачная, разъясняющая супругу, на каком этапе своего жизненного пути она лишилась невинности. Я ведь тоже ему ни слова не сказала про дискету.

Вадим попросил разрешения побриться, но я убедила его не делать этого – так он выглядел натуральнее и убедительнее. Делать было нечего, мы оставили кроссовки и отправились обратно в прокуратуру, сдаваться. В прокуратуре я поклялась на Уголовном кодексе, что Вадим просто не в состоянии кого-либо убить, и вручила несчастного парня (или как его теперь называть?) Алексею Степанычу, полностью полагаясь на благоразумие и того и другого.

Вечером, слушая «Вести» и теребя ухо Антрекота, я подсчитывала, что имею на сегодняшний день, и поражалась насыщенности своей жизни. Изменник Серж – раз, укокошенный

Олег – два, изнасилованная Светка – три, «голубой» Вадим – четыре. А не слишком ли это много для меня одной?

Ночь я провела в Италии. Я шла по берегу моря, песок был теплым и мокрым. Невдалеке лежал огромный, в половину моего роста, грецкий орех. «Вот он, гений разврата», – подумала я. По гладкой светло-коричневой скорлупе с треском разбежались трещины. Но прежде чем он раскололся и я увидела изъеденное белыми червями ядро, я проснулась.

На соседней подушке Антрекот устраивал себе гнездо из вчерашней «Комсомолки». Солнце сияло вовсю. Антрекот выжидательно смотрел на меня. Его взгляд говорил: «Ну, если ты уже проснулась, то я тоже не буду больше ложиться. Да-да, самое лучшее сейчас будет отправиться на кухню и пошарить в холодильнике».

В четверг утром я сообщила Тупольскому, что ухожу. Он ответил, что нашу контору все равно прикроют.

– В каком дерьме мы оказались, а? Куда вы теперь?

– Займусь снова журналистикой.

– И правильно. Это у вас хорошо получается. А я открою собственное дело. Светку возьму к себе.

Сказав про Светку, ВэПэ вздохнул и как-то поник.

– Если честно, я бы сам с удовольствием прикончил Олега. Из-за Светки.

«Так-так-так, – подумала я. – Уж не влюбился ли дедуля в нашу крошку?» Но ВэПэ моментально пресек мои мысленные поползновения:

– Конечно, если пятидесятилетний мужчина проявляет внимание к девчонке, все начинают понимающе улыбаться.

Я смутилась и покраснела.

– Три года назад моя младшая дочь поехала со своим парнем прокатиться на мотоцикле. Разбились насмерть. Светке сейчас столько же.

– Извините, я не знала, – пробубнила я.

Деградирую. Причем стремительно. Все мысли – пошлые, окончательно испортилась. Но ведь есть от чего!

По дороге домой я думала: ну, кто на этот раз поджидает меня там? В двери торчала записка. Так. А-а-а! Снова напечатано на машинке и снова с опечатками:

«Где ты бродишь, несчастная? Я выхожу замуж. В шесть будь дома, придем в гости. Твоя Эванжелиночка».

– Проклятье!!! – заорала я на весь подъезд. В соседней квартире послышалось робкое шевеление. – Эванжелина!!! – завопила я еще громче. – Эванжелина, лохматый суслик, никчемный человечиска, несчастье всей моей жизни!

Шевеление в соседней квартире прекратилось, и на пороге предстала баба Лена, которая знала меня еще с пеленок.

– Танечка, что случилось, почему ты так кричишь?

– Эванжелина во всем виновата! Она, дура, ходит в гости с печатной машинкой! И печатает записки! И втыкает их в дверь! У Сергея никого нет! Я – дура! Эванжелина – дура! – кричала я и почти редела от счастья.

Баба Лена задумчиво вытерла руки о фартук и тихо удалилась, справедливо рассудив, что психам и в одиночестве не скучно.

Когда в шесть вечера Эванжелина, Катя и какой-то импортный мэн ступили на порог моей квартиры, я, не сказав ни слова, мертвой хваткой вцепилась в Эванжелину, затащила ее в спальню, повалила на кровать и стала душить. Еще минута, и в моей скромной биографии появился бы новый труп.

– Эванжелина, с каких это пор ты стала ходить ко мне с печатной машинкой под мышкой?!

Я трясла свою бестолковую подругу за плечи, но она ничего не могла понять.

– Но что случилось? Вы с Катей мне все время говорите, что я недостаточно образованная, что я не работаю над собой, вот я и решила научиться хотя бы печатать. Просто когда я шла к тебе, я подумала – вдруг тебя не будет дома, и заблаговременно напечатала записочку. Ведь так интереснее, правда?

– Вставай, чучело, разлеглась, как у себя дома! Сергей нашел твою прошлую записку и положил ее себе в карман. Я ее обнаружила и обвинила его в измене.

– Танька, да ведь это счастье, – обалдело улыбнулась Эванжелина, – значит, у него никого и не было!

– Если он за эти две недели никого себе не нашел...

В гостиную нас ждали Катя и Дэниэл. Они непринужденно болтали на английском. Дэниэла Эванжелина подцепила на американской выставке. После десятиминутного разговора, где Катя выступала в качестве переводчика, он предложил Эванжелине руку, сердце, дом в Калифорнии, виллу на Средиземном море и четыре автомобиля, один из которых «кадиллак». В общем, влюбился с первого взгляда. Думаю, кроме красоты, его еще сразила и молчаливость Эванжелины. Красивая и немногословная – клад, а не женщина. А так как способности к языкам у Эванжелины нулевые, то он мог рассчитывать, что немногословной она будет оставаться до тех пор, пока он сам не удосужится выучить русский. Тридцатипятилетний, богатый и вроде бы не нудный американский бизнесмен влюбился до такой степени, что предлагал забрать в Америку, кроме Эванжелины, всех ее возможных родственников до четвертого колена.

– Поэтому во вторник мы уже летим, – сказала счастливая Эванжелина.

– Куда? – не поняла я ее.

– Как куда, в Америку. Свадьба будет уже там. Я специально пришлю тебе и Сержу вызов. Нет, я так больше не могу. Трупы, гомосексуалисты, ненормальные бизнесмены меня доконают. А если Эванжелину тоже продадут в ночной бар?

Я обратилась напрямую к Дэниэлу:

– Вы знаете Эванжелину всего пару дней. Как же вы можете на ней жениться?

– О-о! Да она просто необыкновенная. Я влюбился сразу же. Я буду о ней заботиться. Вы, пожалуйста, не волнуйтесь, я буду очень хорошо о ней заботиться. У меня друзья в посольстве, с визой проблем не будет. И вам тоже пришлем. Вы ее лучшая подруга, я знаю...

Нет, с американцем оказалось бесполезно разговаривать. Спятил. Всеобщее сумасшествие. Единственное разумное существо в моей квартире – это Антрекот. Себя я к нормальным тоже уже причислить не могла. У меня поехала крыша.

– Танюша, завтра придешь на, так сказать, помолвку, а потом будем собираться? Я не знаю, что брать, а что можно оставить.

– Конечно, Эванжелина, ты же знаешь, я сделаю для тебя что угодно, – устало ответила я.

Я все еще не могла поверить, но они действительно собрались улетать. Они показывали мне заграничные паспорта, и все три физиономии сияли неподдельной радостью. Все казалось сном.

В воскресенье, вместо того чтобы собирать чемоданы, мы сидели у меня дома, пили коку из двухлитровых пластмассовых бутылей и молчали. Мысль о том, что нам придется расстаться, казалась кошмаром.

– Таня, прежде чем я уеду, я должна тебе рассказать кое о чем, – серьезно сказала Эванжелина. – Это я убила Олега...

– ?!!

Эванжелина ждала реакции на свои слова, но не дождалась. Я не могла говорить. Тогда заговорила она:

– Его жена Марина приходила в мой косметический кабинет. Он иногда заезжал за ней на «вольво», ждал, пока я ее накрашу, и так познакомился со мной и с Катей. Когда мы с тобой пошли в «Макао», я видела его издалека, но все еще не знала, что он твой начальник. Мы сказали, что больше никогда не пойдем в казино, но на следующий день я снова отправилась туда. Мне так хотелось выиграть еще раз. Но я проиграла все. Увидев мою растерянность, ко мне подошел Олег. Он предложил денег: «О, моя жена так вас ценит. Возьмите, возьмите, вам обязательно должно сегодня повезти. Я видел, как вы играли прошлый раз – вы удивительно удачливы». Это я-то удачлива! Но я взяла у него деньги. И снова все проиграла. Он пододвинул еще, я взяла и это. Но мне фатально не везло. Закончилось это тем, что я оказалась должна ему около двух тысяч долларов. Олег с каким-то удовольствием наблюдал мой провал. Он сказал, что деньги можно будет вернуть когда-нибудь потом. Когда они у меня появятся. А когда у меня, Таня, могли появиться две тысячи долларов? «When pig flies»⁴ – как говорит Дэниэл. Несколько дней я мучилась, не зная, каким образом отдам долг. В субботу Олег сам мне позвонил и пригласил в ресторан. Ну все, решила я, расплаты не миновать. Сначала в ресторан, потом в постель. Но он предложил мне другое. Вы, говорит, изумительно красивы. Надо же, заметил. Давайте сделаем несколько фотографий в том виде, в каком принимают ванну? Фотограф – мастер суперкласса, вас никто не узнает, и абсолютно никакой пошлости. И я согласилась. Он повез меня в эту же гостиницу «Подмосковье», два часа какой-то патлатый мужичок меня фотографировал, я чуть не умерла от унижения, потом Олег предложил шампанского, после которого я словно провалилась в черную яму. Проснувшись уже дома, вероятно, они вытащили у меня из сумочки ключ. Катя была у бабушки.

Я подумала – ну все. Забуду, перелистну, как страницу календаря. Но на следующей неделе он опять меня нашел. Что там у вас случилось в понедельник?

– В понедельник? В понедельник... А, меня заперли на ночь в конторе, и я покопалась в его компьютере...

– Ну вот. Он приехал страшно злой и припер меня к стенке. Твоя подруга-журналистка, говорит, сидит у меня как кость в горле. Не рад, что связался с ней. А ты, красавица, готовая порнозвезда. Или ты убьешь эту следопытку, то есть тебя, или я покажу фотографии Кате. Он, представляешь, понял, какие у нас с Катей отношения, и все верно просчитал. Он дал мне бумагу, на которой твоей рукой было написано: «Меня бросил любимый мужчина» – и таблетки. Сказал, что проще простого инсценировать самоубийство. Зачем ты разбрасываешься такими записками?

Я пообещала ему все сделать, а в пятницу вы поехали за город, в ту гостиницу. В воскресенье рано утром я поехала туда же. Я еще не знала, что сделаю. По дороге к гостинице мне никто не встретился. В лесу было еще по-утреннему прохладно, и на дорожке я заметила мужчину в ярком спортивном костюме. Он делал зарядку. Это был Олег. Будто нарочно на тропинке валялся кирпич, их даже было несколько, и я взяла один. Я смотрела из-за деревьев на Олега и думала, ведь это так просто: подойду сзади и ударю его по голове. И сразу решатся все мои проблемы. Я сохраню любовь Кати и спасу тебя от него. Не знаю, сколько минут я простояла за деревом, но когда Олег будто специально встал в трех метрах от меня и, шумно выдыхая воздух, начал делать наклоны, я вышла на тропинку и ударила его. Мне кажется, он даже не понял, что с ним произошло. Я бросилась к станции, села в электричку, приехала домой, наглоталась снотворного и упала в кровать. Но кроссовок я с него не снимала.

– Кроссовки позаимствовал один несчастный мальчик.

⁴ Когда свинья будет летать (англ.).

– У меня в жизни было только два человека, которыми я дорожила, – Катя и ты. Он решил зачеркнуть сразу вас обеих. Как ты теперь ко мне будешь относиться? С отвращением? Я ведь убийца...

– Эванжелина, бедная ты моя...

– Знаешь, я, конечно, уеду. Но если в конторе ты случайно найдешь эти проклятые фотографии, ты их уничтожь, ладно?

Я подошла к тумбочке и вытащила белый плотный конверт, украденный мною из стола Олега. Там лежали фотографии и негативы.

– Все это время они были у меня.

Эванжелина не притронулась к конверту, она закрыла лицо руками.

– Я десять раз порывалась расспросить тебя об этих фотографиях, но никак не могла решиться. И ты ведь эту неделю избегала меня, правда?

– Таня, так, значит... Как же он... Значит, у него их и не было, когда он шантажировал меня?

– Он ведь тебе их не показывал, да? А ты и не требовала?

Эванжелина замотала головой:

– Мне было так стыдно.

Мы сидели на кровати поникшие, словно спрыснутые дустом маргаритки.

– Таня, ты же не будешь меня теперь презирать?

– Эванжелина, не знаю. Я знаю только то, что все равно тебя люблю.

– Я убила человека...

– Знаешь, а ведь он был премерзкий. Ты истребила заразу похуже СПИДа.

Эванжелина так и не посмотрела фотографии. А если бы посмотрела, то удивилась бы. Фотограф действительно оказался мастером. На разноцветных снимках сидела и лежала восхитительная, волнующая Эванжелина. Никакой пошлости. У меня не поднялась рука порвать их.

...Во вторник я возвращалась из Шереметьева-2. Накапывал мелкий дождик, и впервые повеяло осенью. Над головой в черном небе пролетали самолеты – в Париж, Мюнхен, Нью-Йорк. В одном из них сидели Эванжелина и Катя. Сейчас они вдыхали запах обшивки, в последний раз смотрели сквозь вибрирующий иллюминатор на рассыпанную разноцветными огнями Москву и вытирали со щек последние слезы. А я стояла здесь, внизу, около стеклянной, покрытой капельками дождя стены аэропорта, и мне было прохладно и хорошо. Полчаса назад, глядя на озабоченных торопливых людей, которые перевозили на металлических тележках чемоданы, и на зареванные лица Кати и Эванжелины, я приняла решение. Теперь я не буду жить так, как прежде, я стану совсем другой.

Когда, отряхивая мокрый плащ, я вошла в квартиру, в гостиной тепло светила люстра и работал телевизор. В прихожую вышел Серж с Антрекотом под мышкой.

– Ночь на дворе, – сказал он недовольно, – где ты ходишь?

Часть вторая

Похищение

Благие намерения в области самоперевоспитания обычно так и остаются всего лишь намерениями. Клятва, данная мной в аэропорту, вести более активный и полезный обществу образ жизни, была благополучно забыта. Первую половину сентября я предавалась блаженному безделью – ведь было от чего отдыхать: август выдался более чем насыщенным событиями.

Самое ужасное, что эти две недели даром не прошли – неосмотрительная утрата бдительности (а Сергей усиленно компенсировал мой сексуальный простой за время своего отсутствия) обернулась катастрофическим результатом. Наступил тот день, когда по расписанию я должна была бы с треском вспороть новую упаковку «Тампакса», но этого – о, какой ужас! – не понадобилось. Допрыгалась, курица безработная. В консультации меня, похоронно-грустную, похвалили за быстрое реагирование и сказали, что надо начинать запасаться пеленками-распашонками. «В вашем возрасте, милочка, давно пора стать матерью».

При мысли о пеленках, детском поносе и неизбежной необходимости становиться лучше – ведь детей можно воспитывать только личным примером – у меня начинала вяло ныть верхняя челюсть. Но при мысли об аборте отнимались нижние конечности. Когда же я неосторожно осведомилась у одной замотанной обладательницы двух очень подвижных отпрысков – как это, рожать? – и она с лицемерным сочувствием выложила мне на пятнадцати страницах мелким шрифтом о кошмарных, невыносимых муках роженицы («некоторые, бывает, сутками лежат...»), то мои волосы – не очень короткие – встали дыбом на голове по всей их длине. За что же мне такое наказание?

Также появилась у меня мысль, что надо бы и Сержу дать знать – пусть порадует, бандит, что способен творить и созидать не только в сфере журналистики. Думаю, он обрадовался бы. Все-таки не двадцать лет товарищу, пора позаботиться и о потомстве. Пеленки стирать конечно же будет он и ночью вставать будет тоже он, но вот грудью-то кормить придется все же мне, и на кого я тогда стану похожа?

К счастью, моя природная способность находить даже в самых мрачных ситуациях поводы для радости и тут подсказала, как можно извлечь из отчаянного положения максимум положительных эмоций. Во-первых, надо будет подвигнуть Сержа на новую шубу – чтобы в январе, когда последствия его интервенции станут очевидными, я смогла бы скрывать от окружающих свое истинное положение. Во-вторых, рожать все равно когда-нибудь придется, и тогда лучше сделать это сейчас, пока у меня не сыплется песок с челюсти и не отпадают на ходу запчасти. Детям в принципе, если хорошо их выдрессировать, тоже можно найти применение: их можно использовать для всяких мелких поручений.

В общем, я целые дни проводила в раздумье – какое из двух зол мне выбрать. Экзальтированные соседские дамочки, всегда информированные лучше сотрудников Пентагона, прознав о счастье, внезапно обрушившемся на меня, восторженно мусолили платочки и агукали: «Ах, Танечка, как это прекрасно, вам так пойдет материнство, и свадьбу вы, наверное, теперь с Сергеем сыграете...» Ведьмы! Я представляла себя на девятом месяце беременности с животом, похожим на вмонтированный барабан, и сердце у меня сжималось. Посоветоваться было не с кем. Эванжелина грабила американские магазины и еще ни разу не позвонила с момента ее поспешного бегства из страны. Я ощущала себя отчаянно одинокой. Хотя одиночество обычно мне приятно, но иногда все-таки необходим человек, который может постоять рядом с носовым платком.

Впрочем, у меня появилась новая подруга – Марина. После того как прикрыли «Интерком» и я осталась без работы, мы с ней внезапно подружились. Теперь она жила одна в роскош-

ной квартире, напичканной вещами, которых я не видела даже в каталогах, и смотрелась такой же одинокой, как и я. Мы с ней иногда говорили по-итальянски, чтобы не потерять форму: «Come vanno gli affari?» – «Cosi, cosi...»⁵.

Как раньше Эванжелина сидела у нас круглосуточно, так теперь и Марина несла трудовую вахту на диване около видеомагнитофона. Сергей удивлялся: «Ну и подруг ты себе выбираешь – сначала была Мэрилин Монро, теперь вот Роми Шнайдер, доиграешься, меня соблазнит твоя очередная сексапильная подружка». Но, зная, что у Сергея уже выработался устойчивый иммунитет к различного рода красоткам, я надеялась, что и Марина не представляет для него в этом отношении опасности. И она вела себя очень корректно: синими глазами не стреляла, блестящими волосами беспричинно не размахивала, умышленно коленку не выставляла. То есть наметилась тенденция, что со временем Марина может превратиться в друга семьи.

С ней я и поделилась своей печалью. Оказалось, что у Марины тоже есть ребенок, который живет у родственников («мы вели богемную жизнь, для сына это была не лучшая среда»). И она сказала, что пятьдесят пять процентов, учитывая розовые пяточки, ногти, носик и прочую фурнитуру, – за ребенка и сорок пять – принимая во внимание бессонные ночи и беспокойную ситуацию в стране – против. А окончательное решение, как ни крути, все равно остается за мной.

Один из дней середины сентября был отмечен Светкиным посещением. Она нежно благоухала цветочными духами, костюм (то ли от Черрути, то ли от Живанши) и ярко-синие туфли в тон наводили на мысль, что безработица после крушения «Интеркома» не подорвала ее финансового положения, а смерть и разоблачение Олега Дроздовцева, прежде ею так любимого, не отразились на ее позитивном мировосприятии.

⁵ «Как дела?» – «Так себе...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.